31.2А5
Х29

Академия Наук СССР—Грузинский филиал
ТРУДЫ ИНСТИТУТА АБХАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ
им. акад. Н. Я. МАРРА

Выпуск IV

А. К. ХАШБА
кандидат общественных наук

АКАДЕМИК Н. Я. МАРР О ЯЗЫКЕ И ИСТОРИИ АБХАЗОВ

Под редакцией акад.
И. И. МЕЩАНИНОВА

ИЗДАНИЕ ИАК АН СССР, СУХУМИ, 1936 г.

81.2Аб
Х29

ПАМЯТИ
дорогого учителя
Николая Яковлевича
МАРРА

Библиотеке
Абхазского ИГИИ
АГИ
Сухум,
10.V.1999.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография „Академик Н. Я. Марр о языке и истории абхазов“ имеет задачей проанализировать и обобщить, с одной стороны, ту огромную научно-исследовательскую работу, которую проводил акад. Н. Я. Марр в области изучения и исследавания абхазского языка, в связи с изучением других яфетических языков Кавказа, в частности абхазо-адыгейских групп и их взаимоотношений с картвельскими языками.

С другой стороны я считал необходимым на фоне исследований Марра по абхазскому языку показать развитие самой яфетической теории нового учения о языке, одновременно стремясь выяснить, какую же роль сыграли для академика Марра живые языки Кавказа, в первую очередь бесписьменные языки.

В связи с этим пришлось допускать большое количество выписок и цитат из отдельных трудов Н. Я. Марра, но это сделано преднамеренно.

Настоящая работа, конечно, ни в коем случае не претендует на полноту и исчерпанность темы, ибо Марр по исследованию абхазского языка и истории становления кавказских языковых групп и абхазского языка в частности проделал огромную работу.

Это подтверждают большое количество рукописей, которые сейчас находятся в архиве Академии Истории Материальной Культуры имени Н. Я. Марра, посвященных абхазскому языку, а также абхазо-адыгейским, абхазо-грузинским взаимоотношениям.

По мнению автора, данная работа не будет лишена значения и для студентов педтехникумов, и пединститута как пособие по изучению абхазского языка и истории абхазов.

Автор.

Гор. Сухуми.
15—IX—1936 г.

1009

I.

Н. Я. МАРР И КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

Академик Николай Яковлевич Марр принадлежал к дореволюционному поколению ученых; однако его новое учение о языке, обогащаясь и развиваясь по мере привлечения новых материалов, а также освобождаясь от формализма и идеализма т. н. индоевропейской лингвистической школы, пышным цветом расцвело только в послеоктябрьские годы. Только революционная эпоха, эпоха Великой социалистической Октябрьской революции, смогла раскрыть те широчайшие горизонты и величайшие перспективы, которые были заложены в новом учении о языке т. н. „яфетической теории" академика Н. Я. Марра.

Только наша революционная эпоха могла поднять самосознание творца новой науки, оформить развитие его мысли и дать ему, наконец, то орудие познания—диалектический материализм, при помощи которого ему удалось совершить переворот в области науки о языке. Новое учение о языке акад. Н. Я. Марра в качестве общей теории языка есть новая наука, новая научная дисциплина, построенная в основном на принципах марксизма-ленинизма *).

Живой, энергичный, бесстрашный борец за живое изучение одной из самых жизненных обществоведческих дисциплин—языка человеческого общества, Н. Я. Марр несомненно занял почетнейшее место в мировой науке не только как новатор, но и как революционер, совершивший целый переворот в области лингвистики, создав тем самым новую эпоху—эпоху советской лингвистики.

Всю научно-исследовательскую работу акад. Н. Я. Марра можно разбить на два периода: дореволюционный и послереволюционный. При чем послереволюционный период начинается в основном с 1924 года, когда Н. Я. Марр окончательно и бесповоротно распростился со своей старой идеологией, став на твердую базу марксистской методологии.

Н. Я. Марр неоднократно подчеркивал, что „яфетическое языкознание отнюдь не вылетело подобно Афине-Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно-сложенной и скроенной научной среде, более того,—зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики **), без которой его не могло быть, и 2) с трудом высвобождается за последние годы из

*) См. А. М. Деборин—„Новое учение о языке и диалектический материализм". Изд. А. Н. СССР. 1935 г.

**) Разрядка моя. А. Х.

пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы“ *).

Еще в 1920 году Н. Я. Марр на публичном собрании Академии Истории Материальной Культуры, в своем докладе „Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры“, заявил о переходе яфетической теории к новому этапу.

Он говорит: „Для ученого в моем возрасте и положении, ведь в порядке вещей, сугубо надлежит твердо отстаивать то и письменно держаться того, что он давно открыл или усвоил и что он защищал и укреплял десятки лет“.

„Но,—говорит Н. Я. Марр,—теперь я сам вынужден изменить всю основу; если не выбросить, то перевернуть и переместить тот фундамент, на котором ...возводились ряд за рядом—кладки, слой за слоем—стены нового здания—яфетического языкознания. В этом смысле сегодня если я не вынимаю из всей моей тридцатилетней научной работы душу, то разрушаю все ею одухотворенное, архитектурно сотворенное, опрокидываю все построение, как оказывающееся несостоятельным, неадекватным полноте знания ставших впоследствии известными яфетидологических материалов“ **).

Не менее решительно, скачкообразно и революционно совершался переход от старых положений к новым методологическим основам и на других фазах развития нового учения о языке, как это каждый раз становилось необходимым. В этом—величие Н. Я. Марра, в отличие от консерваторов-лингвистов, застывших на мертвой точке.

В этом отношении огромную услугу оказывали Н. Я. Марру живые бесписьменные языки народов Кавказа, в том числе и абхазский язык.

Вот что говорит Н. Я. Марр об языках Кавказа и о их ценности для истории как абхазов, так и других народов Кавказа в связи с новой лингвистической методологией т. н. палеонтологии речи.

„Лингвистическая палеонтология в кавказских языках дает возможность вскрывать поразительную историю взаимоотношений, в корень подрывающую националистические или традиционные построения истории народов Кавказа в более древние и древнейшие эпохи. Лингвистическая палеонтология постепенно даст средства докапываться в абхазской речи до ее первичных слоев. Но этого мало: предстоит еще более трудная, еще более сложная работа—путем сравнения подлинного первичного пласта абхазской речи с более близкими по родству языками, именно с другими

---

*) Н. Я. Марр.—Избранные работы, т. I, стр. 222.
**) Н. Я. Марр.—Избранные работы, т. I, стр. 83.

коренными горскими языками Кавказа, с одной стороны— выяснить историю из этого слоя абхазского языка, а с другой—доискаться до первичных общих форм всех горских языков".*)

Осознавая все более и более огромное значение живых языков Кавказа, Н. Я. Марр углублял свои исследовательские работы над этими языками и каждый отдельный более или менее значительный поворот в своей методологии он связывал с привлечением в свою работу все новых языковых материалов, а новые материалы со своей стороны вызывали и новый методологический подход к привлекаемым языкам. И вот, в процессе своей исследовательской работы над различными языками, Н. Я. Марр пришел к построению нового учения о языке на основе диалектического материализма.

II.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД РАБОТЫ Н. Я. МАРРА НАД АБХАЗСКИМ ЯЗЫКОМ

Значение исследований акад. Н. Я. Марра в области изучения абхазского языка было огромно.

Изучение абхазского языка в прошлом, так же как и других горских бесписьменных языков Кавказа, тесно связано с империалистической колониальной политикой русского самодержавия.

Следствием завоевания Кавказа царским самодержавием было социально-экономическое и идеологическое порабощение покоренных „огнем и мечем" кавказских народов. С этой целью, как известно, впервые для бесписьменных языков Кавказа в 1860-х годах была создана письменность на основе русского алфавита генералом бароном Усларом и генерал-лейтенантом Бартоломеем. В том числе и для абхазского языка был ими же выработан алфавит с учетом абхазской фонетики.

В связи с этим, первым исследователем абхазского языка был тот же генерал Услар, который издал труд об абхазском языке впервые на гектографе в 1862 г., переизданный уже в 1887 году под названием „Абхазский язык" (в серии „Этнография Кавказа").

В этом труде Услар намечает основные вехи абхазской грамматики с приложением словаря и нескольких текстов из абхазских сказок. Конечно, изложение строя абхазского языка (грамматики) дано в том духе, как этого требовала методологическая основа господствовавшей тогда буржуаз-

*) Н. Я. Марр.—„Кавказоведение и абхазский язык". Избранные работы, т. I, стр. 77.

ной, идеалистической, т. н. индоевропейской лингвистической школы. Но, наряду с этим, нужно и признать, что в своем исследовании Услар обратил внимание на характерные особенности абхазского языка, и некоторые его замечания достойны серьезного внимания и сейчас.

Работа Услара была единственной почти до последнего времени, благодаря чему все исследователи кавказских языков как в России, так и за границей, пользовались в области изучения абхазского языка исключительно этим трудом.

Впервые после Услара вопросом исследования абхазского языка занялся народный учитель П. Чарая, выпустивший свой труд под ред. акад. Н. Я. Марра, с замечаниями последнего „Об отношении абхазского языка к яфетическим". (Изд. Акад. Наук, 1912 г.)

Труд П. Чарая был одним из толчков, послуживших Н. Я. Марру заняться исследованием абхазского языка.

Вводя в круг интересов языковедной науки новую группу языков, южно-кавказских, грузинский и родственные с ним языки, сванский, мегрельский, лазский, условно им названные тогда „яфетическими" языками, Н. Я. Марр постепенно переходил от одного языка к другому,—от изучения одного народа к другому, и в связи с этим так называемое яфетическое языкознание развивалось и постепенно укреплялось.

При прослеживании хода развития яфетической теории выступает диалектический характер развития ее. Характерная особенность этого развития заключалась в том, что здесь происходила революционная ломка старых традиционных положений в изучении языков вообще, происходила ломка старых установок, как своих, так и буржуазной лингвистики, и на базе этой ломки выростала т. н. яфетическая теория.

В связи с выходом из печати труда П. Чарая, под редакцией Н. Я. Марра, почти одновременно Н. Я. выпускает и свою работу „К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических". Труд этот был главным образом посвящен выяснению места абхазского языка среди других кавказских языков, в частности вопросу отношения его к грузинскому языку, а также, в связи с ним, и критике ряда выдвигаемых положений П. Чарая в отношении абхазского языка.

„Исследование П. Чарая, – говорит Марр,—целиком построено на той же предвзятой мысли: в абхазском мы имеем, предполагается, первобытное состояние языка, в нем первичные формы корней, родство абхазского с яфетическим относится, мол, к той поре, когда морфологии еще не было или она была в зачаточном состоянии, и посему понятно, на первое место выдвигается сличение корней, а грамматике отводится второстепенное место". (Стр. 33.).

Не соглашаясь с положением П. Чарая, в противовес его Н. Я. Марр выдвигает свои положения о том, что „в общем, лишившись элементов органического склонения, абхазский язык выработал, подобно многим новым языкам, иной способ, при том не один, восполнения дефектов в той морфологической категории, формально истершейся, но идейно, очевидно, присущей языковой психологии абхазского народа“. (Стр. 7).

Здесь Н. Я. Марр предполагает, что абхазский язык „утратил“ свои падежные окончания, на подобие, например, сирийского языка. Свое предположение Марр подтверждает и богато представленными формами множественного числа в абхазском языке. *)

Однако положения, выдвигаемые П. Чарая, оказались более правильными, чем выдвинутые Марром, что впоследствии не отрицал и сам Н. Я. Марр, восхваляя в ряде мест своих трудов П. Чарая как энтузиаста, самоучку, правильно подошедшего к родному абхазскому языку.

В данной работе академик Марр уделяет достаточное место и звуковому составу абхазского языка. В части фонетики Н. Я. Марр, на основе имеющихся у него материалов по абхазскому языку, проследил звуковую систему языка и фонетические связи, отношения абхазского языка с другими языками Кавказа, в частности с грузинским. Тогда же впервые он применил свой аналитический алфавит к абхазскому языку.

В заключение Н. Я. Марр, подводя итоги общих теоретических рассуждений, говорит: „Только будущие разыскания могут вскрыть истинную причину разрушения языковой психологии абхазов, произошло ли оно от слияния абхазов-яфетидов с племенами другой яфетической или с племенами совсем другой расы, т. е. имелся ли в абхазском смешанный язык сванского типа, возникшего на почве слияния яфетических языков двух различных групп“. (См. там же, стр. 42.).

Впоследствии, в процессе своей научно-исследовательской работы над языком абхазов, Н. Я. Марр сам выявил действительную грамматическую структуру абхазского языка.

Летом 1912 года Н. Я., после археологической экспедиции в Сванию, приехал в Абхазию для того, чтобы, как он говорит, „ускорить наблюдения над абхазской речью на месте“ (См. „Кавказоведение и абхазский язык“. Избр. работы, т. I). Здесь он работал в сел. Джгерды, Кодорского участка, с членами Переводческого Комитета Д. Гулия, Н. Джанашия, Н. Патейпа, М. Гулия, П. Чарая, Кация и др. в доме Хабыджа Ашуба.

---

*) См. Н. Я. Марр—„К вопросу о положении абхазского языка яфетических“, стр. 78.

В Абхазии Н. Я. Марр практически познакомился с абхазской речью, даже, как он говорит, „стал в значительной степени понимать живую абхазскую речь джгердинского говора". Здесь ему удалось добиться многого: он сличил весь лексический материал, собранный Усларом, выяснил много вопросов, неясных для него в работе П. Чарая, удвоил этот материал новыми, раньше не записывавшимися им словами, проанализировал изданные сказки и более половины пословиц и поговорок, выяснил ряд морфологических, особенно очень сложных синтаксических явлений абхазского языка, запасся списком абхазских фамилий, равно мужских и женских имен, записи которых лично успел проверить (См. „Из лингвистической поездки в Абхазию", 1913 г.) Кроме того, в этой командировке Н. Я. Марр исчерпывающе выявил фонетический состав абхазского языка и опубликовал таблицу абхазских звуков (См. „Из лингвистической поездки в Абхазию", „Транскрипция абхазских звуков". Табл. 1).

Здесь, а также в процессе своей исследовательской работы, он выявил взаимоотношения абхазского языка как с яфетическими языками, грузинским, сванским и др., так и с армянским, а равным образом и с языком т. н. „второй категории ахеменидских клинообразных надписей" (См. „Из лингвистической поездки в Абхазию", стр. 313).

Н. Я. Марр тогда же вновь уточнил классификацию живых и мертвых языков, не только яфетических языков Кавказа, но и древне-эламского и др. Он также намечает план будущих работ по абхазоведению, где пишет, что „нужно учиться у абхазов их живому языку... и тогда только получит наука полноту подлинных материалов, которых она жаждет для разрешения целого ряда назревших исторических проблем по Кавказскому краю" (См. „Из лингвистической поездки в Абхазию")

Подробные наблюдения Н. Я. Марра над живой абхазской речью „вынудили его,—как он говорит,—подвергнуть пересмотру последнюю редакцию яфетической теории, в части взаимоотношения яфетических языков, и внести в нее некоторую поправку". (См. там же).

Все же здесь нужно отметить, что в этот период Н. Я. Марр еще рассматривал взаимоотношение языков, в частности взаимоотношение абхазского языка с другими, как механическое слияние двух языковых групп, в котором один слой яфетический, а другой не яфетический, при чем слияние этих двух групп мыслилось как столкновение двух иноязычных групп путем миграционного движения. На этом этапе развития яфетической теории Марром еще не были изжиты некоторые положения индоевропейской лингвистики, как, например, теория миграции и т. п. Он тогда полагал, что „все коренные языки Кавказа составляют одну генетически

родственную ветвь языков с другой ветвью языков и что в древнейшую еще пору яфетические языки стояли на той стадии развития, какой в Европе достигли истершиеся индоевропейские языки, что тогда еще яфетическими языками был утрачен, например, грамматический род, образовательные элементы" и т. д. (См. „Кавказ и памятники дух. матер. культуры". 1912 г. И. А. Н. Стр. 20).

Не трудно в этой формулировке Николая Яковлевича заметить положения т. н. индоевропейских лингвистов-идеалистов, вроде Гумбольта и др., в отношении истертости языков, утраты грамматического рода и т. п. Конечно, как выяснилось впоследствии, никакой истертости не было ни в яфетических, ни в европейских языках. Это было только то, что составляло отличительную особенность яфетических языков, в том числе и абхазского языка, ибо, как говорит Маркс в „Введении к критике политической экономии", „наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми языками; но именно отличие их от этого всеобщего и есть то, что образует их развитие". (См. стр. 53, 1931 г.).

Конечно, и эти языки казались „стертыми", но не потому, что они действительно были „стерты", а потому, что одни из языков были наиболее развиты и отличались от других, другие—„наименее развиты", и тоже, со своей стороны, отличались от более развитых. Именно эти наименее развитые языки и казались тогда Н. Я. Марру стертыми. Известно, что каждая социально-экономическая формация накладывает на тот или иной язык свой определенный отпечаток. Язык родового общества качественно отличен от языка античного или феодального общества, а язык феодального общества отличен от языка капиталистического общества.

Так и абхазский народ, находясь на определенной стадии социально-экономического развития, имел свои языковые особенности.

При этом необходимо отметить, что элементы единства языкотворческого процесса уже тогда у Н. Я. Марра все больше и больше получали подтверждение на основе изучения взаимоотношений различных языковых систем. Так, например, в той же работе „Из лингвистической поездки в Абхазию" Н. Я. останавливается на взаимоотношениях абхазского и армянского языков, еще раз подтверждая „связь абхазского языка с hайским языком Армении и сванским, а равным образом с языком 2-й категории ахеменидских клинообразных надписей". *)

Исходя из положения стертости абхазского языка, как „благоприобретения им на новой родине", а также из мор-

---

*) Известия Императорской Академии Наук. 1913 г. „Из лингвистической поездки в Абхазию", стр. 313.

фологических особенностей абхазского языка, в частности образования множественного числа, Н. Я. Марр признал в нем „два разветвления яфетических языков, одно — n-разветвление, другое — k-разветвление: n-разветвление составляют s-группа, куда относится картский язык, лежащий в основе грузинского, и ş-группа, так называемая тубалкайнская, куда относятся мингрельский и лазский языки; к k-разветвлению относятся основной яфетический слой абхазского языка и яфетический язык доарийской Армении, отложившийся в ариоризованном hайском или древне-литературном языке названной страны. Что касается языка 2-й категории, ахеменидских клинообразных надписей, языка ванских клинообразных надписей и сванского языка, то они представляют яфетические языки мешаного типа". „По истертости корней, — продолжает Н. Я. Марр, — все они относятся к k-разветвлению, по образованию же множ. числа — к n-разветвлению, расходясь однако в том, что язык 2-й категории множ. число образует по разновидности ş-группы, а язык ванских клинообразных надписей и отчасти сванский в образовании той же формы ближе стоят к s-группе или полностью совпадают с нею". (См. там же, стр. 314). *)

С привлечением абхазского и других горских языков Кавказа к научно-исследовательской работе для Н. Я. Марра грузинский язык перестает быть доминирующим объектом в изучении языков Кавказа. Привлеченные яфетические языки Кавказа Н. Я. Марр делит на две группы: спирантную, сибилянтную, с двумя группами свистящих и шипящих, отмечает смешанный характер живых языков абхазского, сванского и отчасти древне-армянского языков.

Здесь необходимо указать, что и в это время Н. Я. Марр рассматривал абхазский язык как напластование двух слоев, одного яфетического и другого не яфетического, вкладывая в термин „яфетический" совершенно иной смысл, совершенно иное понятие, чем впоследствии.

В этот период своей исследовательской работы Н. Я. Марр усматривал в тех или иных языках иноязычное влияние и, естественно, подходя к изучению языка той или иной народности Кавказа, стоял на точке зрения миграционной теории. Он считал тогда, что путь движения яфетических племен и народов шел на Кавказ с юга, что нашло подтверждение в его работе „История термина абхаз" и в докладе на заседании Археологического Общества „Из поездок в Сванию" (Известия Академии Наук. 1912 г. Стр. 697—706).

В указанных трудах Н. Я. Марра в числе движущихся с юга на север, в Сванию и Абхазию, яфетических племен

---

*) В виду отсутствия аналитического шрифта Н. Я. Марра, последний везде заменен новым абхазским шрифтом.

отмечается еще особое племя, которое проникло, якобы, в Абхазию и дало абхазам свое название.

Он пишет, что „В предшествовавших работах намечалось однако не только вообще миграционное движение яфетических племен с юга на север, в Сванию и Абхазию, но и специально то племя, которое проникло в последнюю страну и, осложнив язык ее населения яфетическим слоем известного типа, дало ему свое название". („Из лингвистической поездки в Абхазию". Известия А. Н. Стр. 318).

Однако эти новые положения Н. Я. Марра являлись результатом тех исследований яфетических языков Кавказа, которые открывали все новые и новые лингвистические факты, не вмещавшиеся в рамки буржуазного языкознания с его формально идеалистическим подходом к анализу языковых материалов. В связи с этим Н. Я. Марр ищет выхода из создавшегося положения, силится разорвать цепи затхлой методологии, сковывающей живой лингвистический материал.

В то время яфетическая теория Н. Я. Марра еще исходила из того, что „все коренные языки Кавказа составляют одну ветвь языков, генетически родственную с другой ветвью—семитическою" и что в древнейшую еще пору яфетические языки стояли на той стадии развития, какой в Европе достигли истершиеся индоевропейские языки. „Тогда еще,—говорит Н. Я. Марр,—яфетическими языками был утрачен, например, грамматический род, образовательные элементы которого богато сохранились в качестве омертвелых образований" (См. „Кавказ и памятники духовной культуры". 1912 г. Известия А. Н. Отдельная брошюра. Стр. 20).

Все эти положения Н. Я. Марр усматривал и в абхазском языке.

С привлечением в круг своих лингвистических исследований, в качестве объекта изучения исторического процесса жизни народов Кавказа, мертвых языков с письменными памятниками, а также и живых кавказских яфетических языков, до какой бы степени развития они ни доходили, у Н. Я. Марра начинает накапливаться огромнейший языковый материал для революционного взрыва формализма лингвистической методологии буржуазного языкознания. Вместо формалистической описательной фиксации материалов языка, Н. Я. Марр начинает входить в существо самого материала, как социального момента в творческой созидательной жизни того или иного народа. Он выдвигает проблему значимости, семантики слова, в теснейшей связи с ее внешним оформлением в речи, в постоянном их взаимодействии и в движении *).

---

*) См. И. И. Мещанинов.—„Н. Я. Марр". Совет. этнография, № 1 1935, стр. 12—13.

Уже с самого начала своих исследовательских работ Н. Я. Марр ищет разрешения этнологических и глотогонических вопросов в плане доисторических миграций, и вот на заре этих исканий, когда у Н. Я. Марра уже намечаются проблески противоречий с индоевропейской школой, он начинает постепенно отходить от традиционной генеалогической классификации языковых семейств. Последнее мы находим в его уже первой исследовательской работе, опубликованной в грузинской газете „Иверия" под названием „Природа и особенности грузинского языка" (1888 г.), где грузинский язык Н. Я. связывает с семитическими языками.

В своей работе „О религиозных верованиях абхазов" („Христианский Восток", т. IV, вып. I, стр. 113), написанной в связи с трудом С. Джанашия „Религиозные верования абхазов" („Христ. Восток", т. IV), Н. Я. Марр подводит итог своих исследовательских работ об абхазах и говорит, что „абхазы, как теперь установлено, также относятся если не к чисто яфетическим, то бесспорно к яфетидоидным народам". „И в том и другом случае в лице абхазов,—говорит Н. Я. Марр,—перед нами этнический мешаный тип, в котором слились племена по крайней мере двух различных народов". (Стр. 113).

Далее, для объяснения некоторых особенностей абхазского языка, необъяснимых в рамках старой методологии, напр., положения о трехсогласности корней, Н. Я. Марр выдвинул положение, что „названия деревьев и вообще растений в яфетических языках появляются в форме множественного числа", что „в форме множественного числа появляются в застывшем виде много иных слов, не всегда поддающихся пока классификации по категориям" („Яфетическое название деревьев и растений". 1915 г.).

„Застывшими" формами, окончаниями множ. числа Н. Я. Марр старался объяснить те лишние согласные, которые встречались в тех или иных языках, главным образом, в т. н. неяфетических, в особенности в языках Армении, да и в грузинском языке, напр. а) tirkm-el-i—древне-литерат. tirkumeli—почки, внутренности. „В этом случае,—говорит Н. Я.,—готовое слово проявляет форму множ. числа на el (en), при том архаический вид (en) древне-литературного окончания множ. числа (n), если иметь в виду прототип, в данном случае представленный с заменой n вульгарным l || el. Но слово это не только в наличном готовом виде представляет форму множ. числа; его основа tirkm также содержит показатель множ. числа m с исчезнувшим перед ним гласным а || о || am. Вид множ. числа—m относится к ряду губных показат. множ. числа, а именно: m—наличного в ново-грузинском, p—наличного в эламском и p — наличного в мегрельском и лазском языках" (См. там же, стр. 771).

В подтверждение этого положения Н. Я. Марр приводит, кроме того, ряд примеров из различных языков, исходя из сугубых или двойных показателей множ. числа, в которых он находит основы трехсогласности корней. Трехсогласность корней некоторых абхазских слов Н. Я. объясняет тем, что „деревья и растения, равно их плоды, принимая форму множ. числа, указывают, что представление о них у яфетидов было как о сложных предметах, состоящих из многих частей—ствола, ветвей, листьев и т. п. (деревья, растения) или из массы (плоды), т. е. в обоих случаях название воспринималось как собирательные имена". Совершенно противоположные положения мы находим по вопросу множ. числа у Н. Я. Марра в последующий период его исследовательской работы над языком в отличие от указанного выше предположения.

„Образование множ. числа,—по словам Н. Я. Марра,—дело позднейшей эпохи, ибо в начале, при коллективном мышлении, каждое слово мыслилось как коллектив, и оформлять приходилось именно един. число. Но и тогда, когда стали оформлять множ. число, то это произошло еще до оформления объекта и субъекта, и все слова безразлично получали с функцией сигнализации «много» так назыв. племенное название, собственно все тоже название социально-экономического образования, означавшего, как мы видели в числительных „много"... („Яфетические языки". Избр. раб., т. I, стр. 300).

Как выяснилось впоследствии, трехсогласность корней как в грузинском, так и в других языках оказалась фикцией. В самом же деле трехсогласность эта есть результат скрещения или схождения языковых групп, вначале производственных, а затем родовых коллективов.

Наличие в грузинском и в других языках трехсогласных, как выяснилось, означает два, а иногда и три корня слова, или т. н. элемент с потерей соответствующих исходных согласных и огласовок.

Однако и тогда еще у Н. Я. Марра были недостаточно развиты положения о скрещении языков, впоследствии получившие в его работах совершенно иное освещение и иную постановку.

Скрещение языков для Н. Я. Марра было самодовлеющей, единственной причиной, движущей силой в развитии языков, как столкновение двух различных и разнообразных языковых систем. Тогда еще у Н. Я. Марра не было своего стройного учения о языковых элементах в связи с палеонтологией речи, почему тот или иной термин ему приходилось анализировать с внешне формальной стороны, без палеонтологического анализа.

После первой поездки в 1912 году в Абхазию и обстоятельного знакомства с абхазским языком в последующие свои поездки у Марра стали наростать все новые и новые

критические вопросы, относящиеся к общим проблемам развития языка вообще и кавказских в частности. По мере расширения круга своих лингвистических исследований, Н. Я. Марру потребовался ряд лингвистических поездок к тушинам и чеченцам, вообще к северо-кавказским горцам. „Лично мне,—говорит Н. Я. Марр в 1916 году в своем докладе в Сухуме „Кавказоведение и абхазский язык",—абхазский язык дал особенно сильный толчок для приступа к работам по восточно-кавказским горским языкам. Для меня стало ясно, что все направление и грузиноведения и армяноведения, в частности и мое, было в корне неправильно по крайней мере в лингвистической части, ибо ни одна общая проблема, возникавшая в той или иной из названных специальностей, не могла быть правильно поставлена без обще-кавказских перспектив, и в частности без соответственно глубокого изучения всех горских коренных языков и пересмотра вопроса о них с точки зрения яфетической теории и на основании новых наблюдений и проверки старых записей на местах лицами, прошедшими яфетидологическую школу" (Избр. раб., т. I, стр. 72).

Уже постепенно к этому периоду Н. Я. Марр начинает, в целях углубления анализа лингвистических факторов и подхода к ним с целью более близкого понимания их действительности, „выходить за рамки филологии и лингвистики, становясь и археологом, и этнографом, и фольклористом, вернее сказать, привлекая и археологию, и этнографию, и фольклор для освещения исторического процесса по данным своей основной специализации—лингвистики. Оставаясь по своей специализации лингвистом, Н. Я. Марр тем самым выдвигает лингвистику на общую историческую арену, обращает языковой материал в исторический источник, проливающий свет на пройденные и идущие этапы истории развития человеческого общества *).

В цитированном уже выше труде Н. Я. Марра „Кавказоведение и абхазский язык" вопросы археологии, этнографии и фольклора привлекаются непосредственно к языковым вопросам для выяснения исторических перспектив развития как абхазского народа, так и других народностей Кавказа. „Как с изучением языка и литературы древних народов с национальной письменностью,—пишет Н. Я.,—в настоящее время неразрывно связана археология, так с изучением языка и литературы древних народов без письменности рука об руку должно итти исследование этнографии, в частности и прежде всего исследование литературы культа". (Избр. раб., т. I, стр. 59).

Здесь, в этой же работе, в связи с общей оценкой огромной значимости живых бесписьменных языков, Н. Я.

---

*) И. И. Мещанинов.—„Н. Я. Марр". Советская этнография, № 1, 1935 г., стр. 10.

особенное внимание обращает на значение литературы бесписьменных народов, говоря, что „литература не только бывает у народов без письменности, но часто она является более надежным и богатым источником для изучения языка, этой души народа, чем обширная искусственная литература с письменностью, обыкновенно состоящая из сплошных переводных памятников и в большинстве, если не исключительно, подражательных к ним сочинений“. (Там же, стр. 59).

Для разрешения ряда исторических и языковых проблем по кавказоведению, в том числе и абхазоведению, Марр говорит, что „...требуется прежде всего подготовка кадра работников, внесение изучения абхазского языка в круг академических работ и университетских занятий, для меня также не подлежит сомнению: дело должно начаться организацией систематического университетского преподавания не только абхазского, но и ближайше родственных с ним нелитературных языков, если русской науке суждено подняться в изучении многоязычия выше устанавливаемого любителями и самоучками уровня“ *).

Николай Яковлевич первый старается пробить брешь академической косности и заставить признать и для бесписьменных языков право на введение их в круг языков, преподаваемых в университетах. Но только Великая Октябрьская революция дала возможность осуществить ему это право, а до этого акад. Н. Я. Марр—единственный борец за признание прав кавказских бесписьменных языков в академической среде.

Кстати, здесь не безынтересно напомнить, что старая индоевропейская буржуазная лингвистика и тогда, как и сейчас, игнорировала значение живых бесписьменных языков в вопросах исследования языка, придавая исключительное значение только письменным древним памятникам. В оценке этого вопроса, как и по целому ряду других вопросов лингвистики, Н. Я. Марр уже основательно расходился с господствующей лингвистической школой. Вот почему в исследовательской работе по абхазскому языку Н. Я. Марр особо выпячивает значение бесписьменных устных памятников и живых языков, и дает им совершенно иную оценку.

В деле создания письменного литературного языка Н. Я. Марр исключительное значение придает памятникам устного народного творчества того или иного народа, в частности это относится и к созданию абхазского письменного литературного языка.

„...Устная литература,—говорит Н. Я. Марр,—также носит в себе все качества созидательницы общего языка. В частности, в абхазской устной литературе и сейчас, когда

---

*) „Из лингвистической поездки в Абхазию“, стр. 334.

работа только что начата собиранием ее памятников, *) мы находим, очевидно, давно сложившийся общий во многих отношениях литературный язык“ **).

Вышеупомянутый доклад („Кавказоведение и абхазский язык“) заслуживает особенного внимания как для исследователей языков и литератур народов Кавказа, так и Абхазии в том числе, а также для этнографии и археологии Кавказа и Абхазии, т. к. в нем затронут целый ряд ценнейших вопросов в деле выяснения действительной и подлинной истории абхазского народа без националистических и каких-либо других прикрас.

Здесь Н. Я. Марр затрагивает ряд вопросов археологии, пересматривая также традиционный националистический подход буржуазных историков. Кроме того, в этой же работе он прямо призывает ученых заняться изучением совершенно неизученного, весьма интересного уголка Кавказа— Абхазии, проливающей свет не только на всю историю Кавказа, но и на целый ряд вопросов происхождения христианских обрядов, живописи и других памятников народной старины Кавказа в целом.

„Родной край абхазского народа представляет археологический интерес для исследователя не только христианского искусства, но и памятников значительно более древних эпох. Греческие колонии и взаимодействия античной и греческой культуры, и местной и восточной, а не только влияние греков на абхазов, представляет первостепенный интерес. Наступает эпоха, когда одностороннее искание всегда и во всем греческого влияния должно найти поправку в выяснении того, как относились греки к верованиям Востока: сохраняя по именам своих богов и богинь, не наделяли ли их чертами, а в культ не вносили ли особенностей, местное восточное происхождение которых в принципе уже не оспаривается“.

„Великая торговля с толмачами на десятках языков в абхазском городе привлекала, надо думать, всякого типа искателей наживы, но, с востока или запада, отовсюду они приходили из культурных стран, и происходил обмен не только товаров, но и идей“. (См. там же, стр. 60).

Разрушая в корне традиционный взгляд на то, что, мол, что есть на Кавказе культурного, в частности в Абхазии—это только заимствование от культурных колонизаторов античной Греции или Византии, что ничего своего этот „варварский народ“—абхазы—не имел и не мог иметь,—

---

*) Имеется в виду как раз тот момент, когда организованным Н. Я. Марром Комитетом был начат сбор абхазского фольклора, в частности сказок. В 1916 г. в Гудаутском районе был организован так назыв. „Бзыбский Комитет“, который собирал и отсылал этот материал Н. Я. Марру в Ленинград. Собрано было около 100 сказок в Гудаутском р-не и 50 в Очемчирском.

**) Н. Я. Марр—„Кавказоведение и абх. язык“, стр. 59. Избранные работы. Том I. 1933 г.

Н. Я. Марр показывает на ряде фактов как археологических, так и других памятников духовной культуры не только одностороннее влияние на аборигенов страны, но и обратное влияние последних на пришельцев—торговцев: „здесь,—говорит Н. Я. Марр,—происходил не только обмен товаров, но и идей".

В подтверждение своих положений Н. Я. Марр приводит один археологический памятник, найденный в бывш. имении Воронова в Цебельде (Абхазия), находящийся ныне в Москве. „В этом памятнике,—говорит Н. Я. Марр,—имеется весьма интересная резьба со сценой жертвоприношения Исаака, но эта сцена, это изображение совершенно не согласуется с ходячим текстом св. писания и не имеет аналогии ни с одним из известных древне-христианских и вообще христианских скульптурных или иных изображений той же самой ветхозаветной сцены" (Стр. 61).

Такое несоответствие сцены, ее несогласованность с греческой христианской версией находит свое об'яснение, по Марру, только в ее происхождении из восточного мотива, а следовательно указанное расхождение было внесено художником „не по недомыслию, а в согласии с св. писанием по восточной версии" (Стр. 61).

Памятник этот Н. Я. Марр относит к VI—IX векам нашей эры.

Приведенный памятник говорит о том, что не только культурные греки могли иметь влияние на жителей Кавказского побережья, но и наоборот: в культ и быт колонизаторов вносились характерные особенности, бытующие у местных восточных народов.

Эти небольшие, вскользь брошенные, замечания Н. Я. Марра имеют большое значение в деле выяснения истории абхазского народа, в деле анализа абхазского фольклора и об'яснения целого ряда археологических находок, найденных на территории Абхазии.

Для выяснения и исследования памятников истории культуры кавказских народов необходимо было организовать экспедиции. Но ни царское правительство, ни императорская Академия Наук не отпускали на археологию достаточных средств, а иногда и совсем никаких средств не отпускали. Известные крупнейшие археологические раскопки в древнем городище Армении Ани, произведенные Н. Я. Марром, были проведены почти исключительно на средства, собранные с публичных лекций и продаваемых открыток. Средства, отпущенные Академией Наук на эти раскопки, были совершенно ничтожны.

Вот почему, при всем своем желании осуществить археологические исследования в Абхазии, Н. Я. Марру тогда не представлялось это возможным. Все же, желая заинтересовать и обратить внимание как общественных, так и научных учреждений на весьма ценный характер производ-

ства археологических исследований в Абхазии, Н. Я. Марр пишет:

„Археологические разыскания в крае по этому вопросу могли бы многое осветить, но для этого требуются большие раскопки и большие средства, а главное—кадр специально подготовленных ученых. Между тем не только зарытые в земле древности, но и доступные изучению памятники на поверхности земли мало, я бы сказал, нисколько не исследованы, т. е. не исследованы как того требует современное понимание научного дела" (Там же, стр. 60).

На вопросах археологии и этнографии языка и литературы народов Кавказа в целом Н. Я. Марр останавливался еще и потому, что он хотел „показать, во-первых, как трудно даже специалистам определять памятники христианского искусства на Кавказе без знакомства с историей древней кавказской христианской культуры, а также, во-вторых, как даже в таких мелочах (как указанное выше скульптурное изображение, А. Х.) научное решение вопроса должно быть построено с обще-кавказской культурно-исторической перспективой, тесно связывающей страны Армении на юге до, по крайней мере, Абхазии на севере". (Там-же, стр. 61).

Н. Я. Марра ни лингвистические, ни археологические, ни фольклорные или этнографические материалы не интересовали в их замкнутом, изолированном виде, изучение их с формальной стороны. В этом смысле Н. Я. Марр порвал со старым подходом к изолированному изучению того или иного народа, столь типичным для индоевропейской лингвистической школы XIX века. История человеческого общества с присущими ей диалектическими изменениями дает сложнейшие моменты взаимодействия и напластований, получающих свое оформление как во внешнем облике их, так и во внутреннем содержании изучаемого явления—и в языке, и в материальном духовном творчестве, требующими для этого взаимного учета их взаимодействий для выяснения их социальной обусловленности, их развития и перспективы*). Этого не могли и не могут учитывать ни археология и лингвистика, ни этнография и фольклористика в руках буржуазного идеалистического исследователя, формалиста, с его ограниченной методологией.

Чем дальше, тем сильнее и противоречивее становились взгляды Н. Я. Марра по отношению к старой методологии.

Переходя к характеристике языковой структуры абхазской речи, Н. Я. Марр, на основе уже новой, своей материалистической методологии, дает новую правильную харак-

---

*) См. И. И. Мещанинов.—„Н. Я. Марр". Советская этнография, № 1, 1935 г.

теристику языка, более полную и глубокую по своему существу исследования, чем это делалось им раньше.

„Еще менее, думаю,— говорит Н. Я.,—было бы уместно входить в лингвистические подробности работы, излагать хотя бы в общих чертах выясняющийся грамматический строй абхазской речи или останавливаться на ее синтаксисе, имеющем основное значение для правильного понимания абхазского языка, в котором синтаксис играет роль морфологии, т.е. строем речи, той или иной в ней расстановкой слов, выражается то, что в других языках выражают формы самих слов, падежные окончания. Не приходится останавливаться, например, и на союзах и наречиях, самой труднейшей для восприятия европейца части речи в абхазском языке. Достаточно сказать, что настоящих союзов по происхождению или составу своему, похожих на наши союзы, в абхазском предложении не видать; они присоединены неотделимо к словам, или, что еще затруднительнее уловить, помещены внутрь самих слов; правда, обыкновенно оказывается, что это не одно слово, а целый комплекс их, сошедшихся вокруг глагола, один в конце глагола, другие в начале, третьи между предлогом и темой глагола, четвертые внутри самой темы глагола, которая часто оказывается составной из двух глагольных основ“. (Там же, стр. 62).

Общая характеристика грамматического строя абхазского языка, данная Н. Я. Марром, конечно, не вызывает никакого сомнения, она вполне правильна и выражает характерные особенности языка.

Но в отношении некоторых других генетических вопросов Н. Я. Марр еще оставался на той позиции, что и в 1912 г.

Он говорит, что не были правы П. Услар и П. Чарая, когда они признавали архаический характер структуры абхазской речи. Он, возражая им, говорит, что „абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней развития человеческой речи“.

Не безынтересно отметить одну деталь, на которой останавливается Н. Я. Марр, по поводу записей фольклорного материала участниками „Бзыбского Комитета“, которые, как он говорит, „задались целью, несколько понижающей ценность материала для очередных научных изысканий: они старались, по возможности, свести все свои записи в отношении языка к одному общему типу, отстраняя местные особенности говоров или подговоров тех сел, откуда они происходили. Нужно ли прибавлять,—говорит далее Н. Я.,—что для лингвиста важны именно эти особенности, раз дело идет о воссоздании истории языка“. (Там же, стр. 64).

Между прочим, этот вопрос и в настоящее время не потерял своей остроты. В особенности эти золотые слова

Н. Я. Марра нужно помнить и необходимо учитывать всем тем, кто занимается изучением и записью устного народного творчества абхазов.

Для Н. Я. Марра совершенно не было приемлемым традиционное националистическое направление в историографической работе как со стороны местных историков, так и историков не кавказской национальности. Он пишет: „На месте националистическое направление устраняет возможность расцвета кавказоведения,*) являясь камнем преткновения на пути сосредоточения полноты его дисциплин и естественного, чисто научного взаимодействия его представителей. Вне Кавказа неизбежным, вполне заслуженным уделом научной области, построенной на националистической основе, и впредь будет равнодушие серьезных ученых кругов, невозможность найти для нее место в какой-либо научной востоковедной школе. Указанной особенностью одностороннего состава кадров специалистов по истории и литературам местных народов"... „об'ясняется то, что в смежных научных областях, в арменоведении и грузиноведении, специалисты до сих пор не имеют или, лучше сказать, не расположены иметь общий научный язык, общее научное мышление" (Стр. 65).

В связи с этим Н. Я. Марр упрекает современную ему тогда научную общественность в том, что она „не выдвинула своевременно ни одного специалиста по изучению громадной части кавказского населения, именно так называемых кавказских горцев" (Стр. 65. Разрядка моя. А. Х.)

Таким образом Н. Я. Марр ставит вопрос комплексного изучения в целом Кавказа, для чего требуется не традиционный подход изолированного изучения одних народов от других, а изучение этих народов с учетом их взаимодействий и взаимовлияний, с учетом не только письменных памятников, но и бесписьменных языков с их устной народной литературой и памятниками материальной культуры.

Для Н. Я. Марра историк не тот, который пользуется одними письменными источниками и не выходит из этих рамок. Историк для него тот, который учитывает в комплексе своей работы весь исторический обществоведческий материал, т. е. учитывает все те данные, которые могут быть им использованы для научно-материалистического обоснования истории человечества вообще, а значит и истории отдельного народа в частности.

Поэтому все последующие установки Н. Я. Марра об увязке языка с историей материальной культуры ни в коем случае не являлись результатом переоценки значения изу-

---

*) Разрядка моя. А. Х.

чения археологических памятников для лингвиста, ибо этот учет углубляет исторический анализ языковых материалов и выясняет исторический процесс языкового становления. Необходимость такого подхода к изучению языков народов Кавказа и их истории натолкнули Н. Я. на ряд фактов одностороннего и националистического построения истории отдельных народов Кавказа. Кроме того языковые и археологические материалы народов Кавказа, в частности и абхазского, сами толкали Н. Я. Марра к такому комплексному подходу изучения народов и языков Кавказа.

В своем труде „Кавказоведение и абхазский язык" Н. Я. много места уделяет общим вопросам лингвистики, истории, этнографии и фольклора в целях изучения языков и истории кавказских народностей. На этих вопросах я останавливаться не буду.

Необходимо остановиться еще на характеристике Н. Я. Марром взаимоотношений абхазского языка с грузинским.

Как известно, с самого начала своих исследовательских работ Марр ставил перед собой задачу выяснения этих взаимоотношений и установления яфетического происхождения абхазского языка, а в связи с этим и их т. н. „родства". Останавливаясь на этом вопросе, Н. Я. отмечает родство грузинского языка с абхазским, как яфетического языка, и впоследствии, в своей работе „Абхазоведение и абхазы" он писал, что „...абхазский язык остается в особом родстве с грузинским благодаря целому коренному слою, свистящему".*) Вместе с тем он отмечает в работе „Кавказоведение и абхазский язык", что „грузинский язык очень слабо повлиял на абхазский язык в христианские исторические эпохи, а если и повлиял, то влияние это в большинстве случаев было обоюдным..." „Но,—говорит Марр,—есть и обратные заимствования из абхазского в грузинский, иногда весьма поучительные". В подтверждение своих слов Н. Я. приводит интересный термин, и не потому, конечно, что этот термин заимствован грузинским языком с абхазского, а только потому, что на основе этого термина Н. Я. Марр открывает завесу истории абхазского народа. „Грузинское слово арга (парус),—говорит он,—представляет заимствование из абхазского языка"**). Заимствование это, по Марру, не только словарное явление, но и явление реальное, явление культурно-исторического значения.

„Выходит,—говорит Н. Я. Марр,—что абхазы, как мореходы, передавали соседям свои морские термины".

И далее, в подтверждение своих выводов, Н. Я. Марр приводит данные литературных памятников —грузинского географа Вахушта, характеризующего абхазов как мореплавателей.

---

*) Избранные работы, т. V, стр. 173.
**) Избранные работы, том I, стр. 73.

Он указывает, что хотя современный быт абхазов и не согласуется с таким утверждением, но абхазская речь и абхазские предания полны воспоминаний интимного общения абхазов с морем.

„В сравнительно недавнем прошлом, именно в XVIII веке, абхазы, ныне оттиснутые с берегов моря в глубь края, продолжали пользоваться славой древних эниохов, опасных для ближайших соседей и вообще для путешественников. Грузинский географ Вахушт пишет: „абхазы по морям ходят на судах oleţkanţar, в которые они садятся по сту, по двести и по триста человек и нападают в пути на суда осман лисов и лазов-чанов и чаще всего у побережья Одиши (Мингрелии) и Гурии. В боях (на суше) абхазы слабы и быстро уступают, но на море стойки и могущественны". (Стр. 73).

В подтверждение обоснований Вахушта Н. Я. Марр приводит характерную пословицу из устного народного творчества абхазов: zeşxua utou iała ha", в переводе—„в чьей лодке сидишь (правильнее, „находишься", А. Х.), того песню и пой". Пословица эта была записана Н. Я. в одну из очередных его поездок в Абхазию в 1914 году в с. Калдахвары со слов старика 70-ти лет.

Таким образом, характерный хозяйственный быт абхазов, ныне канувший в вечность—мореходство—подтверждается наряду с письменными памятниками и устным народным творчеством.

Далее необходимо еще остановиться на вопросах, посвященных истории Абхазии, Грузии и Армении в связи с выяснением их взаимоотношений и взаимовлияний как в языковом, так и в исторически-культурном отношениях. Здесь можно указать на ряд сложившихся древне-яфетических культурных обрядов, отраженных в устном народном творчестве. Таковы, напр., легенды о Прометее.

„В родной среде та же легенда,—говорит Н. Я.,—выработалась в сказание в Армении о Meher'e, в Грузии об Амиране, в Абхазии об Abərskıəl'e. Какому бы яфетическому племени ни принадлежала честь создания этого сказания, та редакция, в которой оно распространено в Грузии и Армении, несомненно прошла через абхазскую среду..." „Само имя Амиран,—продолжает Марр (собственно, A-məra или A-mər),—представляет абхазское название солнца a-məra, или a-mər, как последнее появляется в сложных абхазских словах. Из абхазских языковых материалов наметилась возможность осветить ряд подробностей в мифе, впоследствии—сказаний о солнце-герое. (Там же, стр. 74).

Термин же названия абхазского мифического героя A-bərskıl тесно связывает абхазский язык с грузинским, точнее с мегрельским и лазским языками. A-bər или A-mər в абхазском языке получает пополнение в виде суфикса skıl, или, что тоже, skua—„сын", „дитя", во множественном же

числе: skualepe—сыновья, то-есть выходит, что A-bərskıl или amrskıl означает „дитя солнца“, или „сын солнца“.

Таким образом, этот термин уже полнее освещает уходящий в незапамятную седую древность астральный культ, культ о герое-солнце, изобретателе священного огня, а по греческой версии—похитителя огня с неба. Между прочим, эту версию о похищении огня с неба мы встречаем еще и в других абхазских мифологических сюжетах, связывающих их с адыгейскими племенами, как например, в известном всему Кавказу нартовском эпосе—Нарт Сасыркуа.

И здесь термин sa-sər-qua на черкесской почве выясняется как „сын солнца“, от адыгского слова sər || stər—„горячий“, „огонь“, „солнце“ или термина sou-zər-eſ—„божество“, „пророк“ (посредник между богом и людьми)—в шапсугском диалекте адыгейского языка.

Таким образом sa-sər || sou-zer лежит в основе термина легендарного нартовского героя, а суффикс -qua в черкесском означает „сын“, то же, что в мегрельском—skua, в абхазском ba || pa—„сын“. Термин в целом означает „сын солнца“, то же, что в абхазском—A-bər-skıl.

Все эти морфологические следы указывают на взаимоотношения народов Кавказа, а отсюда, как последствие этого взаимоотношения, на взаимоотношения как фольклорного, так и других материалов языка и материальной культуры этих народов.

Таким образом в деле исследования взаимоотношений и взаимовлияний народов Кавказа друг на друга Н. Я. Марр затронул ряд таких вопросов, которые заслуживают исключительного внимания исследователя для выяснения взаимоотношений и истории народов Кавказа, с учетом единства исторического и глотогонического процесса в развитии человеческого общества.

В заключение в работе „Кавказоведение и абхазский язык“ Н. Я. Марр намечает программу дальнейшей исследовательской работы по абхазскому языку в увязке с другими кавказскими языками.

Одним из основных вопросов он считает изучение абхазского языка по всем трем наречиям: самурзаканскому, абжуйскому и бзыбскому—и по говорам и подговорам. „Должны быть использованы в этой работе,—говорит далее Н. Я. Марр,—и говоры абхазов, эмигрировавших при царизме в Турцию. Необходимо это изучение направить в сторону выяснения и выделения „из абхазской речи всего того, что наносно в ней хотя и с незапамятных времен. Лингвистическая палеонтология в кавказских языках дает возможность вскрывать поразительную историю взаимоотношений, в корень подрывающую националистические или тенденциозные построения истории народов Кавказа в более древние и древнейшие эпохи“. (Стр. 77).

Следующей задачей Н. Я. Марр считает, что изучение абхазского языка должно быть построено на данных сравнительно-исторической грамматики горских языков.

Указанные выше задачи являлись и в последующих исследованиях Н. Я. Марра программой его работ. По мере исследования, пополнения и развития этих задач он поставил изучение абхазского языка, как и других языков Кавказа, на должную высоту.

Задачи эти полностью не были исчерпаны Марром, и наша задача заключается в том, чтобы, следуя указаниям Н. Я. Марра, вести на основе марксистко-ленинской методологии свою научно-исследовательскую работу по абхазскому языку.

3. ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД РАБОТЫ Н. Я. МАРРА НАД АБХАЗСКИМ ЯЗЫКОМ

Н. Я. Марр был одним из первых немногих представителей ученого мира, громко заявившим о своей солидарности с Великой социалистической революцией. Он твердо и смело встал под знамена строителей социализма и до конца своей жизни боролся за дело социализма, за дело культурной революции.

Н. Я. Марр, ни на минуту не прекращая свои научные исследования, включается в общее дело социалистического строительства, ведя работу по линии общественной и административной как в Академии Наук и Ленинградском университете, так и в других общественных организациях и учреждениях Москвы и Ленинграда, выступает организатором и активнейшим работником по всем отраслям научной и общественной жизни. Наряду с этим, Н. Я. Марр ставит и разрешает новые языковедные проблемы, разрушая старые, негодные, отжившие свой век, обращается к изучению новых материалов, направляя весь свой опыт и неиссякаемую энергию на проведение в жизнь принципов, за которые он боролся и до революции. В первую очередь к ним относился вопрос о методах и формах конкретного исследования и изучения народностей Кавказа—армян, грузин-картвел и других народностей Закавказья и Сев. Кавказа. Прошлое этих народов и всего Востока в целом „...можно, —говорит Н. Я. Марр,—понять с помощью приемов иных, чем какие признаны надежными при изучении более крупных политических и культурных единиц, отказаться от мысли, что суждения о культурной и политической жизни можно составлять без специальной подготовки и с ограниченной осведомленностью“. „Результаты исторического изучения человечества в одних крупных его проявлениях могут дать красивые картины для эстетического наслаждения, могут удовлетворить потребности в преходящих теоретических построениях, но отнюдь не призваны быть удовлетво-

рительным ответом на вечный научный вопрос, на непреоборимое стремление человеческой природы к абсолютной правде, имеющей отразить в себе жизнедеятельность всех народов и всех времен в нелицеприятной гармонии". „Грустно мириться, — продолжает он, — например, с тем, что древности Грузии и Армении не находят серьезных исследователей в России, что почти за целое столетие, истекшее по присоединении Грузии, и затем значительной части коренной Армении на Кавказе, сплошь покрытом обломками различных культур, различных эпох, не основалось прочно ни одного научного общества, ни одного научного органа местной археологии или древней письменности, или древней истории, что на всем Кавказе и до сих пор нет фактически ни одного музея древности". („К вопросу о задачах армяноведения" Н. Я. Марр. Избр. работы, том I, стр. 17).

Так писал Н. Я. Марр еще в 1899 году. Все это стало возможным после Великой пролетарской революции в бывш. царской России. И Н. Я. Марр, для осуществления неотложных задач научного изучения Кавказа, намеченных им еще до революции, с головой уходит в работу.

В 1918 году он выступает с давно продуманным планом реорганизации восточного факультета Петроградского университета и слияния его с историко-филологическим факультетом, исходя из тех задач и методов, которые он считал необходимыми при изучении обществоведческих дисциплин как Востока, так и Запада. И эту реорганизацию при поддержке Наркомпроса РСФСР ему удается провести, причем первым деканом факультета общественных наук университета выбирается он сам.

Одновременно он ставит вопрос о реорганизации Московского Лазаревского Института в Переднеазиатский Институт.

По инициативе Марра постановлением Совета Народных Комиссаров за подписью гениального вождя В. И. Ленина учреждается Академия Истории Материальной Культуры, председателем которой также назначается Н. Я. Марр.

Еще после февральской революции Н. Я. сразу ставит вопрос об учреждении на Кавказе университета общекавказского масштаба, где могли бы обучаться все национальности Кавказа, ведет борьбу с националистическими и шовинистическими установками грузинских меньшевиков. Н. Я. Марр в своей докладной записке об организации ун-та доказывает, что создание в Тифлисе чисто грузинского университета при условиях меньшевистской Грузии „грозит в погоне за оправданием гегемонии той или иной кавказской народности стать источником все более и более углубляющегося обострения взаимной розни и взаимного отчуждения кавказских народов" („О Кавказском университете

в Тифлисе". ИАН. 1917 г., стр. 1503. Цит. из книги Миханковой В. А. „Н. Я. Марр").

Со времени начала кипучей научно-общественной деятельности акад. Н. Я. Марра начинается новый этап в его научной методологической работе. Все более и более усиливающиеся интернационалистические взгляды Н. Я. Марра не могли не повлиять на его методологию. А взгляды эти у Н. Я. Марра еще больше усиливались по мере привлечения в свою исследовательскую работу все новых и новых языковедных и исторических материалов.

Решающую роль в происшедшей методологической перестройке Н. Я. Марра и его революционного скачка сыграли общественные условия эпохи—эпохи социальной революции.

Таким образом начинается второй этап в развитии т. н. яфетической теории, нового учения о языке с начала выступления Н. Я. Марра с отказом от своих прошлых методологических положений в докладе „Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры" *).

В этом докладе он изложил целую платформу новых взглядов, новых положений о языке.

Первое, что нового было высказано Н. Я., это—отказ от изолированного подхода исследователя к социальным надстроечным явлениям в общественных науках. Он говорит, что „...более углубленное, более конкретное изучение колыбели особого культурного мира постепенно вскрывало, что все казавшееся экзотическим в мире человеческих существ, как и в животном мире, как и в физическом, выявлялось как часть общего движения, имеющая неразрывные связи со старым мировым культуртворчеством Европы. Кто ныне будет отстаивать, что ассиро-вавилонское культурное строительство есть особый культурный мир, а не хронологический этап все того же единого мирового культурно-исторического творчества, получившего прочную оседлость в Европе не со дней, понятно, греков и римлян, а с эпох, когда этих, в свое время великих, ныне исторических творцов мировой культуры, не было еще в природе".**)

В этой исключительно интересной работе для своего времени Н. Я. упорно отстаивает свое мнение о расселении т. н. яфетических племен по средиземно-морскому бассейну, оспаривая переселенческое движение как таковое, т. е. отрицая свое старое положение о движении яфетических племен „с юга на север", однако, все же он по существу здесь еще оставался на миграционной основе.

В дальнейших своих исследованиях он этот принцип углубляет, расширяет экспансию яфетических элементов,

---

*) Том I, избр. работы, стр. 79—124.

**) Том I, избр. работы, стр. 88.

становящейся уже общею евразийскою подосновою. Здесь уже начинают слабеть принципы миграционного движения, а в связи с ним и „праязыка". „Вместо праязыка выдвигается общая подоснова, субстрат, носящий в себе все зачатки будущей перестройки на стадиальность". (Мещанинов И. И.).

Таким образом Н. Я. эти выдвинутые положения в дальнейшем углубляет и обосновывает марксистским тезисом об единстве глотогонического (исторического) процесса в мировом масштабе.

Второе, что выдвигает он в этом труде и весьма важное, это—стадиальный характер развития человеческой речи, где он утверждает, что „существующие типы языков есть создание не первотворчества, даже не перевоплощения или самостоятельные видоизменения задатков речи, а воплощение плодов творческой работы человечества на каждом отдельном этапе его развития, на котором скрещение играло исключительно важную роль. Первичный аморфный синтетический строй языка, присущий ныне так называемым моносиллабическим языкам, напр. китайскому, второй агглютинативный строй, отличающий, например, турецкий язык, и третий, флективный строй, каким является, напр., русский, это не три параллельных, а три хронологических, последующих друг за другом типа.*).

В связи с этим Н. Я. Марр отказывается от своих старых формалистических взглядов, становится на материалистические рельсы в оценке языка, как продукта социальной среды. „Человечество в отношении речи не есть лишь пассивное создание вне его пребывающей предвечной воли, оно само себе творец: мы себя творим. Не только наша судьба, но и наш облик, наша психика, наша речь есть создание самого человечества, как наше настоящее есть наше создание". (Там же, стр. 90).

Третье положение, с которым выступил Н. Я. Марр, это категорический протест против „теории" „вымирания и деградации" языков, а в связи с этим против империалистической политики в отношении малых колониально-зависимых народов. Он пишет, что „сами по себе реликтовые типы отнюдь не были обречены ни на прозябание, ни тем менее—на вымирание". „Вообще и термин „вымирающий" в отношении племени или языка столь же не состоятелен, как и „поглощаемый", поскольку вымирание и поглощение понимаются в смысле бесследного исчезновения одной породы и мистически-отвлеченно представляемого торжества другой". Оба термина понятны лишь как выразители обществен-

*) Там же, стр. 89. Разрядка моя. А. Х.

ности, видевшей прогресс человечества в утверждении своего вида уничтожением другого..." „Ничто само по себе не подвержено гибели, ничто не погибало, все языки дошли до нас в отложениях, в составе наличных современных языков, как типов всегда скрещенных, иногда гибридных, в большинстве же метисованных не двукратно, а многократно". (Стр. 90).

Н. Я. Марр, в противовес индоевропейской лингвистической школе, утверждает, что нет вымирающих языков, а есть только истребляемые т. н. „культурными" европейцами.

Четвертое положение, с которым выступил Н. Я. Марр, было дальнейшее разоблачение индоевропейской лингвистической школы, ее империалистической лингвистической концепции и использования ею религии в целях обоснования своей классовой эксплоататорской политики.

Н. Я. Марр говорит, что „Эта наука (индоевропейская, А. Х.), в области проблемы нас интересующей, естественно, усвоила миросозерцание религиозно построенной общественности, религиозного восприятия мирового культуротворчества; она не вернулась к ней, а углубилась в нее, так как не успела выйти из нее. Индоевропеистическая лингвистика лишь заменила на религиозных основаниях возникавшие деления человеческих об'единений лингвистическими, выделила индоевропейский круг языков..." „Она перенесла на них, на индоевропейские народы, на индоевропейскую расу, взгляд конфессиональной теологии на избранное племя, своими разновидностями наполнявшее, главным образом, европейский мир".*)

Таким образом Н. Я. Марр по целому ряду основных лингвистических проблем дает совершенно иное освещение, чем это делали представители старой школы, а в некоторой степени и сам он. Тем самым Н. Я. становится на материалистические рельсы в освещении проблем науки о языке. Само собою разумеется, и освещение отдельных вопросов грамматики, морфологии, лексики отдельных конкретных языков он освещает в соответствии с новыми его методологическими установками.

Было бы ошибочно, однако, утверждать, что уже тогда Н. Я. Марр во всех своих исследовательских вопросах совершенно порвал со старой школой и с ее установками.

Как я уже отмечал выше, по ряду вопросов Н. Я. стоял еще на старых своих лингвистических позициях, например, в вопросе о расовости языков, теории переселений или миграций.

Однако крупнейшую роль в деле дальнейшего развития яфетической теории здесь сыграло вскрытие им в вертикальном разрезе, вглубь истории, перспективы развития

---

*) Там же, стр. 92.

яфетических языков, а в связи с ним человеческой речи вообще.

„Яфетические языки выявились,—говорит Н. Я.,—как носители, действенно или пережиточно, трех периодов языкового творчества,—аморфно-синтетического, агглютинативного и флективного“.*)

Совершенно в ином разрезе начал освещать Н. Я. и морфологические элементы языка. В словообразовательных частицах, приставках и окончаниях он признал истертые служебные элементы, как он сам его называет, „в агглютинативном периоде“, и в этих же служебных элементах вскрыл цельные, самостоятельные слова синтетического периода, игравшие одновременно и служебную роль.

В префиксах и суффиксах, равно и союзах „агглютинативного периода“ Н. Я. отмечал термины родового строя, названия членов семьи. В морфологии речи установил отражение общественно-экономического строя человеческого общества.

В этом периоде, как устанавливает Н. Я. Марр, „отец“ и „мать“ не различались, „брат“ и „сестра“ были „намечены в роли выразителей действующих лиц; „сын“ („дети“)—служебным словом, то для образования множ. числа, то для выражения определительного отношения или родительного падежа и т. д.“ (Там же, стр. 98).

Все эти конкретные вопросы языковой структуры были вскрыты на материалах, главным образом, яфетических языков Кавказа, а среди них львиная доля принадлежит абхазо-адыгейской группе языков, в частности, абхазскому языку.

В действительности, в абхазском языке все указанные выше конкретные факты лежат на поверхности, как на ладони. При малейшем знании фактов и правильном методологическом анализе вскрываются поразительные перспективы развития языка. Напр., в абхазских т. н. приставках или предлогах легко вскрыть их первоначальную форму, напр. слово а-ха-la-ra—„подниматься“ состоит из основы -la—„идти“ и приставки -ха- от а-хə || а-ха—„голова“, „верх“, „гора“, а-хцə—„холм“ с всегдашним абхазским определенным членом „а“.

Тоже самое мы наблюдаем и в словах аđдəlç-ra—„выходить“ или аđəl-ca-ra—„выгонять“, состоящих из основы ç или ca и предлога или приставки а-đə (в полной форме аđəl*)—„двор“, „поле“, бытующим и по настоящее время в абхазском языке в усеченном виде как а-đə). Тот же анализ вскрыл, что союз da в грузинском означал „сестра“. Как союз da—„сестра“, он и поныне существует в грузинском языке; это подтверждает нам следующее выражение в грузинском: „deda da mama“—„мать и отец“.

---

*) Там же, стр. 98.

Тоже самое мы вскрываем в послеслогах абхазского языка. Выяснилось, что они происходят от первоначальных самостоятельных слов, превратившихся впоследствии в морфологические элементы. Таковы, напр. а-ynə-qa—„домой" (букв. „в дом"); послеслог—qa есть не что иное как глагол а-qa-ra—„быть", „находиться", „существовать". Выражение а-ynə-qa scoit—„домой иду" тоже означает букв. „дом, находиться (быть), я иду". Или выражение а-ynə-n-ҭ saa-it; букв. это означает—„дом, принадлежность(-ҭə), я пришел", т. е. „я из дому пришел"; и здесь ҭ-ə есть не что иное, как слово аҭə—„принадлежность", „собственность", впоследствии „раб", возникшее после появления частной собственности. Нет надобности останавливаться на вопросах вскрытия, например, таких терминов, как „брат и сестра", или „мать и отец". В абхазском „брат и сестра" первоначально выражались одним термином „дитя", который был впоследствии использован для значения „брата". В настоящее время, абхазское слово „сестра"—аҧʃа состоит из двух основ аҧ—со значением „сестра" (в начале „женщина")+ʃа—„дитя", ныне—„брат". Тоже самое мы наблюдаем и в термине „женщина"—арҧəs, который состоит из двух основ (слов) из ар || ара—„сын" („дитя")+ҧəs—„женщина", т. е. буквально ар-ҧəs означает „дитя-женщина". Таких примеров можно было бы привести еще много.

Приведенные мною характерные особенности развития языка были вскрыты Н. Я. на материалах абхазского и других языков яфетической системы (См. „Непочатый источник истории Кавказского мира". Изв. А. Н. 1917 г.).

На основе этих многочисленных материалов языка Н. Я. Марр сделал обобщение и установил исторический процесс развития языков, наметил стадии развития, через которые прошли все языки—независимо от их развитости или формальной отсталости.

В указанном выше докладе Н. Я. Марра, „Кавказоведение и абхазский язык", при всей еще недоработанности ряда вопросов лингвистики, мы находим, иногда в намеках, иногда в форме постановки вопроса, почти всю тематику, программу работ нового учения о языке, так называемой яфетической теории последующего периода.

Результаты этой большой научно-исследовательской работы с охватом огромного количества как кавказских живых и мертвых языков, так и внекавказских языков (баскского и др.), привели Н. Я. Марра к убеждению, что „без кавказских языков нельзя работать по яфетическим языкам Европы, но и без изучения европейских яфетических языков нельзя решать ни одного общего вопроса по яфетическому языкознанию, нельзя научно работать над лингвистикой кавказоведу..." Здесь же намечается круг вопросов, перекидывающих мост не только между яфетическими языками Кавказа и Запада, но здесь уже основательно „нащу-

пываются более тесные связи яфетических языков с рядом западно-европейских языков и в круг лингвистических типов, подвергшихся процессу скрещения, вовлекаются не только романские языки вообще, но и в особой степени кельтский". Таким образом в этот период уже накопились достаточно веские материалы для того, чтобы сделать новый скачок вперед к полному отказу от теории переселения и праязыка, а в связи с ним и расовости языков.

И действительно, в своем докладе в 1924 году Н. Я. Марр решительно отказался от расовости и теории миграции народов, категорически заявив: „Утверждаю, что индоевропейской семьи языков, расово отличной, не существует. Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ни откуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово особой семьи языков или тем не менее восходил к какому-либо расово особому праязыку". („Индоевропейские языки Средиземноморья". Том I, стр. 185).

Здесь же Н. Я. разрешает коренной вопрос о первоначальной множественности языков, взамен „праязыка", навязываемого индоевропейской школой всем языкам и народам. „Кстати,—говорит он,—вначале был не один, а множество племенных языков, единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция". (Там же).

В отношении абхазского языка Н. Я. Марр также меняет свои взгляды не только в отношении грамматическо-морфологической структуры, об его „истертости" и т. п., но и в отношении его первоначального расселения, отказавшись от миграционного движения абхазского народа „с юга на север".

После семилетнего перерыва личных поездок Н. Я. Марра на Кавказ, он возобновляет их в 1924 году и снова едет в Сухум и в другие города Закавказья.

В Абхазии, помимо чтения докладов на краеведческом съезде в Сухуме, он проверил ранее им собранные материалы для абхазо-русского словаря и начал подготовительную работу по введению в Абхазии для абхазского языка нового алфавита, вместо существовавшего алфавита на русской основе.

С этого времени Н. Я. Марр возобновил свои поездки в национальные области, районы и республики и ведет неутомимую научно-исследовательскую работу по отдельным национальным языкам, помогает в организации научно-исследовательской работы силами национальных работников, организовывает научные учреждения по языку и литературе.

Н. Я. Марр на местах практически оказывает помощь в проведении культурной революции, помогает партии и правительству в деле осуществления ленинско-сталинской национальной политики по внедрению в школах и учре-

ждениях родного языка, как „могучего рычага культурного под'ема“ (И. Я. Марр).

Осенью 1924 года в Сухуме Н. Я. Марр прочел доклад „Абхазоведение и абхазы“, который был повторен им в Государственной Академии Истории Материальной Культуры в Ленинграде в том же 1924 году.

Кроме того на основе знакомства с новыми материалами в Абхазии в этой поездке Н. Я. Марр прочел в том же году второй доклад в Академии под названием „Термины из абхазо-русских этнических связей“ („К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения“. Изд. Наркомпроса Абхазии. 1924 г.).

Этот доклад Н. Я. Марр посвятил вопросу происхождения абхазов в частности, ибо в бытность его в Абхазии познакомился с работами местных исследователей*) по вопросу о происхождении абхазов. В этих работах, в частности в работе Д. Гулия по истории Абхазии утверждалось, что абхазы выходцы из Египта, именно из Абиссинии (См. Н. Я. Марр, т. V, стр. 118 и Д. Гулия, т. I, „История Абхазии“). Н. Я. Марр, признавая наличие общих явлений в языке и в быте египетских, коптских и др. народов не только с абхазским, но и с другими яфетическими языками Кавказа—мегрельским, чанским, сванским и за пределами Кавказа баскским и другими, категорически отвергает необходимость и безнадежность поисков прародины абхазов и их прародителей, предлагает отказаться от „трафаретного уподобления образования народа акту физического рождения“.

Н. Я. Марр приводит ряд фактических языковых примеров из яфетических языков, в частности из абхазского, баскского на Пиренеях, армянского и грузинского, указывающих на разительное схождение их, и после этого делает вывод:

„При указанном характере взаимоотношений баскского, абхазского, армянского языков отпадает возможность и смысл предположения о переселении, напр., кавказских абхазов и пиренейских басков, или первых с Кавказа в Пиренеи, или вторых с Пиренеев на Кавказ. Следовательно, не одно тождество названия этих трех народов—басков, абхазов-абасков и отложившихся в армянах hайков-басков, как и органически скрестившихся с ними других яфетических племен, вынуждает на территории непосредственного распространения каждого из этих народов предполагать наличие ab ovo каждого из перечисленных яфетических племен“. (См. Н. Я. Марр, т. V, стр. 131).

Далее Н. Я. Марр приводит ряд конкретных материалов по языку и этнографии, свидетельствующих о единстве исторического процесса, на основе общности социально-

---

*) Д. И. Гулия.—„История Абхазии“. Том I-й. 1925 г. Тифлис.
Ашхацава С.—„Пути развития абхазской истории“. Изд. Наркомпроса. 1925 г.

экономических форм. При чем эти материалы он использовывает для опровержения тезиса о том, что общность культур у различных народов есть результат переселения, ибо, говорит он, наличие связи между отдельными народами „имеет корни в доисторической расселенности не одного сложившегося уже какого-либо народа, а многочисленных племен различных этнических образований, независимо от возникших впоследствии в каждом из этих разобщенных территориальных гнезд исторических народов и культур". („Термины из абхазо-русских этнических связей"). На основе этого Н. Я. делает вывод, что поиски „доисторической колыбели какого-либо народа в одном определенном месте отметается как пережиток библейского мировоззрения".

В докладе „Абхазоведение и абхазы" Н. Я. Марр опять возвращается к вопросу о происхождении абхазов и этногонии Восточной Европы. Этим вопросом Н. Я. Марр интересовался еще в 1912 году, в статье „История термина „абхаз", где основательно разбирает этот вопрос, изучив всю литературу, касающуюся истории абхазов. Здесь он использовывает топонимические термины как Абхазии, Грузии, Армении, так и всего Кавказа, устанавливая родство и взаимосвязь абхазов как с черкесами-адыге, так и закавказскими народами: грузинами, армянами и др.

В работе „Абхазоведение и абхазы" он углубляет эти изыскания, расширяет проблематику более глубоко, охватив не только происхождение собственно абхазов, но и целого ряда абхазо-адыгейской и картвельской группы народов в их связи с этногонией Восточной Европы. Попутно разъясняет ряд терминов топонимики в связи с той или иной племенной средой. Здесь же Н. Я. более глубоко и основательно останавливает свое внимание на вопросе о несостоятельности „теории" выхода абхазов из Египта. На основе палеонтологических разъяснений языковых материалов, в частности топонимики, он устанавливает, что „племена доисторического населения всей Афроевразии были рассеяны одни и те же по всему обширному району средиземноморского окружения и прилегающим к нему районам трех названных старых частей света—Африки, Европы, Азии. Везде одна и та же группа племен, яфетических племен, ложится в основу общественной жизни данного района, в основу происходящего в каждом таком районе процесса нарастания нового этнического типа, образования новых видов племен и народов, все под теми или иными старыми тождественными названиями или их разновидностями. Возникает сомнение о полезности исканий особых центров зарождения, когда везде происходило одно и то же". „Мы считаем бесполезным и ненужным, вообще нереальным, производить, например, иберов вообще с востока на запад, или с запада на восток, или в обе эти стороны с юга Аф-

рики (есть, ведь, и такое исследовательское устремление)". (См. „Абхазоведение и абхазы", стр. 130. „Восточный сборник". Изд. Ленинградской Публичной Библиотеки).

Между прочим, поскольку указанные выше исследовательские устремления еще до сих пор имеют место в нашей действительности, особенно это еще не изжито среди старых исследователей в Абхазии, на этом есть смысл более подробно остановиться и осветить еще раз бесплодность и антинаучность подобного идеалистического утверждения.

Основная задача историка, исследователя человеческой культуры—это определить последовательное историческо-экономическое развитие данного племенного или национального образования с становлением последнего в процессе классовой борьбы, а в связи с этим культурно-исторический путь развития племен во всей его простоте и сложности, с учетом взаимодействия с другими племенами и языковыми группами, определить „общественные отношения, при которых индивидуумы производят общественные производственные отношения, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства производительных сил". *). Но совершенно бесплодными и ирреальными являются поиски каких-то „народов" и „племен" в доисторические времена с единым центром, в безукоризненном их чистом виде, без изменения, такими, какими они представляются в настоящее время в языке, быте и культуре, ибо все это создается историей в процессе борьбы и победы классов, в классовом обществе, в процессе последовательного и неуклонного развития этих групп—сначала родовых групп, а затем племен, народов и впоследствии и наций, при капитализме.

„Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество суть такие совокупности производственных отношений, совокупности, из которых каждая вместе с тем обозначает особую ступень развития в истории человечества". **)

В этом конкретном вопросе искать единого центра бесплодно и бесполезно. Нам известно, как великий вождь народов, тов. Сталин, определяет нацию: „...Нация—это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев,

---

*) К. Маркс.—„Наемный труд и капитал". Партиздат. 1932 г., стр. 23. Разрядка моя. А. Х.

**) Там-же, стр. 23.

этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация—не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей". *).

Однако, вопрос о происхождении абхазов Н. Я. Марр совершенно правильно считает вопросом отнюдь не бесполезным. „Необходимо,—говорит он,—лишь уточнение пределов и возможностей этого вопроса, уяснение себе сложных племенных взаимоотношений яфетических народов, с учетом которых вопрос должен получить то или иное решение".

„В общей постановке вопроса теоретическое родство,—говорит далее Н. Я. Марр,—египетского с абхазским может не подлежать сомнению", так же, как и с мегрельским, чанским, грузинским, черкесским, баскским языками, поскольку эти языки все яфетические, „а яфетические языки родственны семитическим, у которых с хамитическими, включающими в себе египетский, имеются бесспорные признаки родства", так же, как и со всеми другими яфетическими языками, а через них со всеми языками мира в рамках единства глотогонического процесса и стадиального развития языков, обуславливающегося определенными социально-экономическими основами развития человеческого общества.

Н. Я. Марр, исходя из этого единства глотогонического процесса и опровергая теорию переселения яфетических народов из Египта или вообще Африки или Азии, показывает на ряде языковых фактов единства языкотворческого процесса и только в связи с этим общность между египетским и коптским языками с языками Кавказа.

Далее, для разрешения вопроса происхождения абхазов, он в первую очередь считает необходимым основательно изучить структуру языка и пути его развития, в связи с другими языками и их материальную культуру, в связи с развитием общества. Только в процессе этой исследовательской работы и вскрытия основных структурных особенностей языка и истории он считает возможным ставить этот вопрос. Пока же Н. Я. Марр считает выясненным, что „Абхазский язык, а вместе с языком, очевидно, природно и по наследству, говорящий на этом языке абхазский народ представляет сложный тип гибрида, в котором скрестились два слоя, коренного его состава из двух различных ветвей

---

*) Сталин И. В.—„Марксизм и национальный вопрос". 1934 г. Партиздат, стр. 4.

яфетической семьи языков", при чем для этого вопроса Н. Я. Марр считает необходимым определить его взаимоотношения, т. е. взаимоотношения абхазского языка с реально историческими насельниками на данной территории Черноморского побережья,—колхами, исходя из того, что „родство языков вытекает не из родства крови и не из происхождения из одного источника, а из объединения в хозяйственной жизни и общественности"... (Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. I, стр. 243).

„...В какой степени,—задает вопрос Н. Я. Марр,—наличный абхазский представляет конкретно ту народную речь, которая слышалась на восточном побережье Черного моря из уст его древнего населения, называвшегося колхами. В какой степени мы можем утверждать, что абхазы наследственно продолжают сохранять в своей речи пережиточный язык колхов, и сложился ли абхазский язык в том виде, как он теперь раскрывается в своей изумительной сложности еще у колхов или по скрещении абхазов с колхами" *).

И действительно, если вспомнить данные литературных памятников древне-греческих и византийских писателей, в этот период на территории нынешней Черкесии и Абхазии были многочисленные племена с различными самостоятельными языками. По свидетельству Страбона, в городе Диоскурии, на территории нынешней Абхазии, стекались от семидесяти до трехсот народностей, для которых требовались многочисленные переводчики.

Страбон пишет: „Сюда сходят, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, нисколько не заботящихся об истине, даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая в сношения вследствии самолюбия и дикости. Большая часть их принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами". **).

Повидимому, греческие писатели каждую языковую разновидность и наречия принимали за самостоятельные языки, но во всяком случае несомненно, что здесь, начиная с территории нынешней Грузии и кончая землей черкесов-адыгейцев, было большое количество производственных языковых групп, едва ли племен, куда, повидимому, входили и „колхи", и „абхазы", и „черкесы", и „аланы", и т. п. Обходить это реально существовавшее многообразие языков, засвидетельствованных литературными данными, нет основания, ибо это будет означать отказ от решения проблемы.

---

*) Н. Я. Марр. Избран. работы. Том V, стр. 173.—„Абхазоведение и абхазы".

**) „Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе". В. В. Латышев. Том I. Греческие писатели. Выпуск I. 1893 г., стр. 136.

Но здесь еще нет ни абхазов, ни адыге, ни алан, как таковых, здесь только их многообразный языковый прототип в виде множественности языков. Поэтому постановка вопроса об этих наследственных отношениях указанных насельников с абхазами вполне целесообразна и необходима.

Тем более для нас в настоящее время уже это не является спорным, поскольку мы сейчас располагаем большим и весьма интересным археологическим материалом, добытым археологической экспедицией акад. И. И. Мещанинова в Абхазии в 1934 году, а также и экспедицией 1935 года, и находками археологических материалов в Очемчирском порту в 1935—36 г., где окончательно подтвердились предположения Мещанинова о том, что найденные материалы в Абхазии т. н. кобанского типа относятся именно к эпохе колхской культуры. Предположения Н. Я. Марра еще в 1924 году о связи абхазов с колхами в языковом отношении также получают свое подтверждение.

Во всяком случае в настоящее время при всей еще проблематичности этого вопроса, на основе ряда данных, структуры самого абхазского языка, археологии и т. д., можно полагать, что в основу образования абхазских племен и его племенных языков легли не только одни отличавшиеся своим многообразием колхские языки.

По всей видимости, под термином kolx объединялся не один языковый коллектив на Черноморском побережьи соответствующего периода. Не безынтересно здесь привести одно место из высказывания греческого историка Страбона, подтверждающее в этом наши установки:

„...Я утверждаю, согласно с мнением древних эллинов, что, подобно тому, как известные народы северных стран назывались одним именем скифов или номадов, как называет их Омир, а впоследствии, когда сделались известными и западные страны, их обитатели назывались кельтами и иверами или смешанно кельтиверами и кельтоскифами, ибо вследствие неведения отдельные народы в каждой стране подводились под одно общее имя...“ *)

Вне всякого сомнения, что определенные производственные языковые коллективы kolx—ского объединения вошли в составную часть образования абхазского языкового строя. Повидимому, подобный процесс образования абхазского языка и роднит его с свистящим слоем сибилянтной группы картвельских языков. „Благодаря именно этому свистящему слою,—говорит Н. Я. Марр,—абхазский язык отделяется в значительной мере от братски родственной с ним черкесской „адыгео-кабардинской группы языков“. Отсюда тот факт, что „абхазский язык занимает совершенно исключительное положение, как внутренний яфетический гибрид-

*) „Известия древних писателей“, В. В. Латышев. Том I, стр. 93.

ный тип среди всех яфетических языков Кавказа". Но этот вклад в абхазскую языковую группу не может быть единичным вкладом свистящего слоя, не одни, повидимому, колхские языки могли оказать влияние на абхазский язык или скреститься с ним в процессе своего исторического развития. И здесь встает вопрос о генетических взаимоотношениях абхазской многообразной языковой группы с северо-западными языковыми группами, в числе которых в первую очередь нужно отметить скифов (куда входят и колхи) и через них аланов-осетин и южных славян, ныне русских.

Повидимому, не случайно, что „родной", термин осетин, тогда „алан", очутился в племенном образовании убыхов, у которых одно из племен еще в середине XIX века именовалось термином alan. На этот вопрос, в порядке постановки о проблеме, Н. Я. отвечает следующим образом: „Во-первых,—говорит Н. Я. Марр,—к шипящей группе, по всем вероятиям, принадлежал скифский язык, родной яфетический язык скифов. Следовательно, абхазы одно время также врезывались клином между племенными языками шипящей группы, деля их тогда на южных колхов, позднее иберов или гуров, и на северных скифов, т. е. деля первоначально все чисто скифские, следовательно, племена, как теперь грузинский клин отделяет чанов или лазов от ближайше с ним родственных мегрелов, или гуров". *)

„Таким образом, продолжает там же Н. Я. Марр, скифы первоначально соседили с юга непосредственно со скифскими же племенами, колотами или колхами, говорившими, следовательно, одинаково на различных наречиях или языках шипящей группы, к которой абхазы, разумеется, никак не могут быть отнесены своею речью в целом и общем, несмотря на присутствие в ней многих элементов шипящей группы". **)

Не меньший интерес представляет выяснение вопроса о влиянии в становлении абхазских племен их многоплеменных соседей, могущественных в свое время на Сев. Кавказе „хазар", т. н. xaz-ar, resp. xaz'ов, которые роднят, как реально так и терминологически с ab-xaz-ами или a-baza—a-bas".

Как правильно замечает Н. Я. Марр „.. правильный анализ формы этнического термина сам по себе представляет большой успех в раз'яснении этнологических вопросов" (Термин „Скиф", т. V, стр. 30).

В период расцвета хазарского каганата в VII—VIII веке, они соседили с черкесскими и абхазскими племенами на Сев. Кавказе и к этому периоду приблизительно хазарские

*) Том V, стр. 175.
**) Там же, стр. 175.

племена вытеснили абхазов из Сев. Кавказа на причерноморскую равнину.

На этом вопросе Н. Я. Марр останавливается мимоходом в своих исследованиях о скифах в работах „Термин „Скиф“ и „Скифский язык“ (См. избр. работы, том V.).

В общей проблематике решения вопросов касательно становления абхазской языковой группы встает не менее важная, не менее актуальная проблема о т. н. „родстве“ абхазо-адыгейской группы языков.

Но для разрешения этого вопроса необходимо еще много кропотливой и конкретной работы над этими языками, а именно: над абхазо-абазинским, убыхским и адыгским языками и их взаимоотношением.

Но независимо от окончательного решения вопроса об общем вкладе элементов, роднящих или являющихся элементами схождения между этими языками, не следует ли считать первоначальным вкладом в образовании абхазского и черкесского языков также многообразные „скифские“ языковые объединения, куда входит по всей вероятности и колхский со своими шипящими языковыми разновидностями?

На разрешение этого вопроса конкретно Н. Я. не останавливался, но общие его высказывания касательно абхазо-скифских и русских языковых отношений обязывают поставить этот вопрос. И здесь на помощь в разрешении этого вопроса приходит опять-таки Н. Я. Марр, разбирая термин абхазо-скифских связей. „Если возьмем название „лошади“,—говорит он,—игравшее, несомненно, громадную роль у скифских племен и культово, то абхазское название laş с префиксом „а“ и окончанием „а“—a-laş-a и многочисленные его разновидности, не исключая и русского „лошадь“ и немецкого Ross (<— * xros), тянут нас на север. На севере мы находим не одни эти разновидности. Русские термины „лошадь“, „лошак“ даже не разновидности, так как их основа loş есть прототип, к которому восходит абхазская основа laş, пройдя промежуточные стадии развития, именно и раздвоение lawş, откуда гр. lapſ-a, и затем утрату w с удлинением гласного a-laş, как то прослежено у сванов в названии реки „Лошади“—„Цхенис-цхали“, по-гречески—„ἵππος“. *).

К этому вопросу опять Н. Я. возвращается в другой работе под названием „Сухум и Туапсе“, рассматривая как „кимерийский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья“ (1925 г.). В работе же „Абхазоведение и абхазы“ Н. Я. Марр в конце концов приходит к выводу, что „дальнейшее уточнение анализа абхазского языка, сложившегося, по всей видимости, в основных своих слоях на Северном Кавказе, пред-

*) Том V, стр. 176—177.

ставляет несомненный интерес не только для истории кавказских народов, но и для этногонии все-европейского значения, в частности и той, которая происходила на юге России и в древнейшие эпохи, и в средние века"... (Разрядка моя. А. Х.).

„Без того же уточненного анализа абхазской речи нам не разъяснить ни болгарского, ни хазарского, ни других сродных вопросов, следовательно, в первую очередь и русского. В частности, с вопросом о возникновении абхазского народа и наличного абхазского языка несомненно находится в тесной связи вопрос тмутараканский, как реально, так и терминологически" *).

А тмутараканский вопрос непосредственно сплетается с абхазскими племенами—абазами, абазинами, абхазами. В этот период „на юго-востоке, несомненно, происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности—русские. Тмутаракань IX-XI века не могла представлять исключения из этого процесса, и вопрос именно в том, какого порядка процесс тут происходил, скрещение ли уже готового русского с языками пережиточного яфетического населения или перерождение местных яфетических племенных образований в индоевропейско-русское и в какой стадии находился этот процесс трансформации. Несомненно, что процесс протекал и здесь, как и везде, классово, в порядке влияния господствующего слоя с индоевропейской речью на яфетическое массовое население, в этих путях могло совершаться скрещение индоевропейского языка с яфетическими".**)

Таким образом при решении вопроса о происхождении абхазов и абхазского языка необходимо в первую очередь остановиться на реально исторических племенных объединениях, выясняя их взаимоотношение и взаимовлияние на абхазские племенные объединения и обратно и в этом порядке углубляться в изучение вопроса на основе палеонтологического анализа языковых терминов в том числе и топонимики; конечно, при этом надо основываться на памятниках истории материальной культуры, отнюдь не пренебрегая общими теоретическими вопросами единства глотогонического процесса, отвергая расовую фашистскую теорию миграционного движения, как идеалистическую, антимарксистскую.

Следовательно, абхазский язык, как и грузинские, славянские и все другие языки мира, сложился в результате ряда скрещений—первоначально языков производственных групп в эпоху, предшествующую образованию племен, позднее, более сложных образований, племен и народов, сло-

---

*) См. там же, стр. 179—180.
**) Н. Я. Марр —„Абхазоведение и абхазы", стр. 184—185.

жившихся на почве предшествующих скрещений. Конечно, самый процесс скрещений был различен в разные эпохи; формы скрещений обуславливались и обуславливаются социально-экономическими процессами развития общества.

Новые данные археологических раскопок в Абхазии говорят не за то, что абхазские племена есть выходцы из Египта или вообще откуда-то двигались, а за то, что они действительные аборигены Черноморского побережья Кавказа, ибо сейчас уже мы имеем материалы начиная с палеолита до колхской (кобанской) культуры и наших дней о последовательном напластовании материальной культуры бывшего населения Черноморского бассейна.

Н. Я. устанавливает, что между терминами одного и того же социального слоя различных стран больше схождения, собственно полное тождество, точнее „одноплеменность", чем между терминами различных социальных слоев, различных классов одной и той же страны, ибо здесь именно „разноплеменность". Этим Н. Я. подчеркивает социальный классовый характер того или иного термина (уже в классовом обществе), при этом внутри племени в различных классовых терминах больше расхождения, „разноплеменности", нежели это между одинаковыми социальными слоями одного и того же народа. Общность, существовавшая между т. н. разноплеменными слоями, „сигнализирует лишь состояние первобытного мышления, общность ступени развития, а никак не тождество рас, тождество языков или их родство... То родство, которое мы устанавливаем, есть не что иное, как позднейшее социальное явление". (Н. Я. Марр).

Н. Я. Марр, так же как и классики марксизма-ленинизма, в ряде своих трудов указывает, что различные формы мышления у „отсталых" народов, этнографически наблюдаемые в их верованиях, обычаях, быте, фольклоре и мифах, есть общее для всего человеческого общества на определенных ступенях развития, а отнюдь не расовое явление, присущее особым племенным объединениям. „Происхождение новых исторических видов протекало путем отнюдь не влияния, а неизбежно возникавшего на экономической базе концентрации этнических масс скрещения многочисленных видов доисторического типа, до нас вовсе и не дошедших в совершенно чистом виде во всем обширном районе". *)

В работе „Абхазоведение и абхазы" Н. Я. Марр ставит также ряд конкретных вопросов истории становления абхазских племен, являющегося темой актуальной и еще не разрешенной. Но поставленные вопросы Марром правильно освещают пути их разрешения, и при коллективной совместной работе историков, лингвистов и археологов, на основе

---

*) „Приволжские и соседние с ними народности", См. „Н. Я. Марр", Миханкова. В. А., стр. 249—250.

марксистко-ленинского метода, вопросы становления абхазских племен и их взаимоотношений с племенами, как абхазо-адыгейскими, картвельскими, так и южно-славянскими, т. н. „хазарами“ и другими племенами, могут быть разрешены. Но, как мы видим, конкретный вопрос истории абхазского народа перерастает в общекавказский вопрос—вопрос становления и взаимовлияния племен и языков Кавказа.

Н. Я. в процессе долголетней, кропотливой научно-исследовательской работы над материалами различных многочисленных языков установил, что для качественной перестройки всей системы общения переходом от кинетической речи на звуковую речь потребовался долгий путь количественного накопления звуковых разновидностей, которые устанавливаются в виде четырех лингвистических элементов (А Б С Д).

„Они (элементы) имели определенную социальную значимость (семантику) и обусловлены идущим социальным процессом расщепления диффузного звука, а также физической природой человеческого организма, в частности, и его голосовым аппаратом“.

„Принадлежность последнего всей человеческой породе ведет к наличию названных элементов во всех языках мира. Но, являясь выражением социальной потребности, эти элементы всегда оказываются семантичными (то-есть, имеющими социальную значимость), хотя в то же время, зарождаясь в связи с потребностями общественных коллективов, они, при разрозненности последних, не получают семантической согласованности и могут в конкретных людских объединениях носить различную значимость. С другой стороны, соединение разрозненных коллективов и внутренний ход их перестроек обогащают звуковые накопления, скрещивая элементы и продвигая их в последующие звуковые варианты. Таким путем из первичных основ-элементов нарождается лексический запас“. *).

Кроме всех тех элементов общности, которые были высказаны нами в отношении абхазского с другими языками Кавказа, указанным выше положением единства глотогонического процесса может быть объяснено то исключительное схождение, какое устанавливается между абхазским и адыгейским языками. С одной стороны эти первоначальные лингвистические элементы в определенной социальной значимости послужили той подосновой, какую мы находим в этих языках как в словарном запасе, так и в морфологии, не говоря о языковой структуре. Но характерно то, что, повидимому, „разрозненность коллективов и внутренний ход их перестроек“, о которых говорилось выше, обусловили некоторую семантическую несогласованность, ибо в лексическом материале адыгского языка

*) И. И. Мещанинов.—„Язык и мышление в доклассовом обществе“. „Проб. истор. докапит. обществ“. Журнал № 9—10, стр. 38.

мы находим интересные явления, когда одно и то же слово-элемент, звучащее одинаково, выражает очень часто противоположность, напр., в абх. „корова“—a-j, в черк. „бык“—jə ‖ wə ‖ və; в абх. „спина“—a-bɔıa, а в черкесском „грудь“—bɔıa, и т. д. Безусловно, что ключ такого исключительного схождения можно найти, в частности, на основе такого анализа с учетом вышесказанного положения об элементах, как первичной формы языкового словаря.

* * *

Одной из конкретных практических работ академика Н. Я. Марра в Абхазии, наряду с исследованием абхазского языка, а в связи с ним и составлением абхазско-русского словаря и абхазской грамматики, была еще работа, имеющая огромное актуальное практическое значение для Абхазии—это составление абхазского нового алфавита вместо существовавшего несовершенного, составленного на основе русского письма. Известно, что составленный еще на основе усларовского алфавита абхазский алфавит не получил своего применения в практической абхазской языковой культуре. Оставляя в стороне вопрос об отношении царизма к Абхазии, как к колонии, и его руссификаторской политике, не дававшей возможности развить национальную культуру и язык, нужно отметить, что составленный Усларом алфавит, исправленный и приспособленный к абхазскому языку, не отвечал требованиям абхазской языковой структуры и по фонетике и по морфологии; произошло это потому, что составленный для абхазского языка алфавит сводился к одному русскому языку, русскому письму, ибо, по выражению Н. Я. Марра, „при невольном допуске национального языка в так называемых инородческих школах алфавиты сводились не в письмена, а в транскрипции, то-есть происходило механическое переключение на русское письмо“.

А Н. Я. Марр этому вопросу придавал исключительное значение, как могучему рычагу в деле культурно-просветительной работы среди трудящихся масс.

В частности, составлению и введению абхазского нового алфавита Н. Я. Марр уделял огромное внимание, он не раз ездил в Абхазию, писал в Народный Комиссариат Просвещения Абхазии тов. Чочуа.

Имеющаяся у нас переписка Н. Я. Марра с А. М. Чочуа и вообще высказывания Марра говорят об этом исключительном внимании.

Вообще т. н. яфетическая теория, занимаясь вопросом возникновения и развития человеческой речи, была заинтересована, как и ныне, в изучении каждой народности, „независимо от того, древнеписьменная она, новописьменная или вообще бесписьменная, приобщена к современной культуре в полной мере или весьма слабо; она особенно заинтересована в усилении национального самосознания маленьких

и отсталых народов, с своеобразным речевым мышлением"... („Основные достижения яфетической теории". Избр. раб., т. I, стр. 215).

Вся работа Н. Я. Марра после 1924 г. направлена на выполнение этой актуальной задачи. И это мы видим в конкретной кропотливой научно-организационной работе Марра в Абхазии то над созданием нового алфавита, то над организацией научно-абхазоведного центра—Академии абхазского языка и литературы—и подготовкой национальных абхазоведных кадров.

Н. Я. Марр, исходя из принципов равноправия и равноценности всех языков, народов и наций, оказывал всяческое содействие в поднятии культурного уровня трудящихся масс. Он писал: „...величайшим залогом лучшей охраны сделанных человечеством на всех пройденных им этапах развития культурных достижений и в то же время новой неусыпной творческой работы является дар Октябрьской революции: это не только предоставление раскрепощенным нациям с историческим прошлым самоопределения, но и призыв к активному самопроявлению по науке и просвещению всех народов и племен, не исключая и отсталых, не исключая народов и племен с одним этнографическим культурным багажом"... (Т. I, стр. 247)

В письме от 1/I 1925 г. зам. наркому просвещения Абхазии А. М. Чочуа, Н. Я. Марр пишет: „3) Аналитически яфетидол(огическое) письмо абхазское окончательно установлено (работа шла над рукописной частью) и теперь транскриптируется не только образчик, как у меня было в моем опыте для исследовательских целей, но и ваша хрестоматия. Недурно бы и ее снабдить словарем, она пошла бы тогда как учебник не только в Абхазии, но и в Европу. Думаю или отдельно (это, пожалуй, лучше) или в предисловии ко всему тому пойдет моя записка о необходимости латинской транскрипции, правда она печаталась в сухумской газете, но с пропусками, а я хотел-бы кое-что еще внести". (Рукопись).

Все эти свои замечания по этому поводу Н. Я. Марр вносит действительно в работу „Абхазский аналитический алфавит", изданный Ленинградским Восточным Институтом.

Для введения нового алфавита и упорядочения работ и его упрощения для письма, Н. Я. приезжает в Абхазию два раза в течение 1924 г. и делает несколько докладов. В оба свои приезда Н. Я. Марр принимает участие в работах комиссии Наркомпроса Абхазии по выработке и уточнению представленного им проекта нового алфавита.

Вопрос единого письма всегда волновал Н. Я. Марра и он считал его для младописьменных или бесписьменных национальностей вопросом большой политической важности и ставил перед собой задачу, чтобы, в соответствии с на-

циональной политикой Ленина-Сталина, помочь поднять культурный уровень малых, отсталых, бывших в угнетении царизмом национальностей на уровень задач эпохи великого Сталина.

Задачей науки, в противовес кабинетным ученым, занимающимся „высокой материей“, Н. Я. Марр считал увязку ее с практикой социалистического строительства, в первую очередь—помощь национальным меньшинствам.

В своем выступлении к 7-ой годовщине Великой пролетарской революции на общегородском собрании научных работников Ленинграда Н. Я. Марр говорит: „Еще несколько больше темпа, несколько больше научно-революционного порыва, жизненно организационного творчества, и не в интересах лишь своих профессиональных заданий, а на пользу новой укрепляющейся и восстанавливающейся страны и на просветление человечества вообще. И тогда наука органически сольется с Октябрем в линиях широкого размаха его созидательных новотворческих перспектив“. (Цитирую по книге В. А. Миханковой „Н. Я. Марр“, стр. 246).

В 1924 году, 30 июня, специальная комиссия в составе наркома по просвещению ССР Абхазии при участии самого Н. Я. Марра постановила „единогласно... в основу принять латинский шрифт. Для этой цели одобрить составленный академиком Марром „Абхазский аналитический алфавит“. Просить его пересмотреть шрифт, упростив письменное начертание как со стороны легкости, так и художественности“.

Упрощение, предлагаемое комиссией, Н. Я. Марр считал возможным и легко осуществимым и частично это было проделано им самим.

Но основным и принципиальным Н. Я. считал „переход на латинское письмо и признание необходимости именно аналитического письма“, а это, кроме комиссии, еще обсуждал краеведческий съезд в том же году в Сухуме, где в соответственной секции был поставлен доклад Марра об аналитическом алфавите. В этом докладе, на основе которого была выпущена специальная брошюра „Абхазский аналитический алфавит“ (К вопросу о реформах письма. Изд. ЛВИ. 1926 г. Ленинград) Н. Я. Марр останавливается на значении письма в разные эпохи развития человечества, останавливается на истории развития письма начиная с клинописной и пиктографической, кончая современной письменностью в связи с развитием языка человеческого общества. Здесь Н. Я. Марр подчеркивает путь развития „человеческой речи от многоязычия к единству языка“ и в связи с ним говорит, что „при движении по этому неизбежному пути, условия взаимообщения народов всего мира не в меньшей степени требуют единства письма, т. е. тождества основных начертаний алфавита и тождества приемов воспроизведения сложных звуков, исходящего от основных или

простых звуконачертаний“ (См. ук. раб., стр. 17). Эта реформа письма у абхазов считалась как начало дальнейшей реформы письма у кавказских народов, в том числе грузин и армян, а затем для всех других бесписьменных или младописьменных народностей Советского Союза. „Если же мы однако первый опыт,—говорит Марр,—начинаем с абхазского письма, есть на то совершенно уважительное основание, независимо от потребности и желания самих абхазов. Дело в том, что абхазский язык имеет почти восемь десятков (не менее 78) звуков. Алфавит, передающий все эти многочисленные фонемы, покрывает потребности громадного большинства даже яфетических языков Кавказа, так разнообразно богатых звуковым составом“ *). И действительно, абхазский аналитический алфавит Н. Я. Марра, ныне действующий для научной записи, почти полностью обеспечивает запись всех фонем за редкими исключениями.

Новый абхазский аналитический алфавит начал действовать практически с 1926 года.

В связи с этим необходимо остановиться еще на одной важной для Абхазии научно-организационной работе, предпринятой Марром в том же 1924 году. А именно, Н. Я. Марр внес в Совет народных комиссаров Абхазии проект об организации в Сухуме абхазоведного научного центра— „Академии абхазского языка и литературы“. Проект Марра был одобрен, и в Сухуме была организована Академия абхазского языка и литературы и почетным председателем этой Академии выбран сам Н. Я. Марр, двигавший его дальнейшую работу по абхазоведению и абхазскому языку. Работа над алфавитом наряду с другими вопросами культуры была сосредоточена в этой Академии **).

Получив сведения, что возникли некоторые сомнения и трудности в отношении нового письма, Н. Я. пишет письмо зам. наркомпроса Абхазии А. М. Чочуа 12 августа 1926 г.

„Мои запросы об Академии абхазского языка и литературы остались, по существу, гласом вопиющего в пустыне. Мне было после повторных обращений сообщено, что дело об учреждении Академии откладывалось по независящим обстоятельствам, в ближайшее затем время ожидалось его обсуждение в ожидании утвердительного решения. Дальше я не получал никакого осведомления. Только по слу-

---

*) См. там-же, стр. 27—28.

**) Впоследствии, в 1929 году, Академия абхазского языка и литературы была переименована в Институт абхазского языка и литературы. В 1931 году Институт был реорганизован в Абхазский Научно-Исследовательский Институт Краеведения в составе сектора языка и литературы, сектора истории и сектора народного хозяйства и государственного музея. Вся работа по абхазоведению, в частности, была сосредоточена в этом Институте. По мере роста кадров местных национальностей Институт начал развиваться и расширять свою научно-исследовательскую работу. В частности, по абхазскому языку и литературе работа развивалась и расширялась.

зем, главным образом по рассказам со слов т. Дзидзария, приезжавшего в Ленинград в дни моего отъезда в приволжские лингвистические разыскания, мне стало известно, что Академия абхазского языка и литературы работает. Еще тягостнее было не видеть и не слышать ничего определенного про новый алфавит. С моей стороны, могу по совести сказать, работа над самыми основами абхазской речи ни минуты не прекращалась. Эта работа лишь развивалась от уделения доброй части исследовательского внимания приволжским языкам, да финским, да палеоазиатским. И происхождение абхазского, и связи его с другими языками, соседящими и очень далекими, стали все более и более разъясняться, и если бы я располагал сотрудничеством Академии абхазского языка и литературы, как я предполагал, беру смелость утверждать, что рядом со словарем полным абхазского языка, можно было бы в какие-либо два года подготовить для печати такой лингвистический толковый научный словарь абхазского языка, каким не располагает пока ни один в мире язык, хотя бы уже по тому, что по своим свойствам абхазский язык представляет исключительное явление".

...Если же итти по линии наименьшего сопротивления, забыв о конечной цели нашего производства, и в практической, и научной работе, именно живой правды, то я сказал бы: да, дорогие товарищи, ставший для вас спорным алфавит, идеальную доработанность и неприкосновенность которого никто и не думал отстаивать, конечно, трудный, но еще труднее изучить абхазский язык и раскрыть технику его строя, и потому не решить ли отказаться и от изучения абхазского языка, довольствуясь тем, что абхазы и без того все прекрасно знают абхазский язык и в такой степени, что свободно говорят на нем и даже бойко могут писать, и вон эту никому ненужную науку об абхазском языке! На этом, повидимому, прийдется поставить точку, и тем покончить с нашим, как видно, необдуманным предприятием, и остается теперь перейти к деловому вопросу, вопросу о печатающемся моем словарике, уже в ликвидационном порядке. Словарь собственно напечатан, но я задержал его, т. к. помимо того, что замеченные недосмотры и опечатки, многочисленные, указываются по возможности исчерпывающе, решил снабдить его введением, знакомящим с анализом ряда абхазских слов в согласовании с достигнутым в

В 1935 году постановлением президиума Академии Наук СССР по представлению грузинских и абхазских правительств Институт включен в систему учреждений Академии Наук СССР через ее грузинский филиал. Институт разбит на два учреждения. бюро по изучению производительных сил Абхазии и Институт Абхазской Культуры в составе секторов: 1) языка и литературы, 2) истории, этнографии и археологии. Принимая во внимание огромные заслуги Н. Я. Марра в области абхазоведения, Институту присвоено его имя—Институт Абхазской Культуры им. Н. Я. Марра Грузфилиала АН СССР.

данный момент генетическим пониманием абхазского языка, казавшегося изолированным и без какой бы то ни было связи с языками других народов, древнего мира и современности, в числе их и более или исключительно культурных...“

„Во всяком случае я надеюсь, что настоящее письмо мое не останется без своевременного ответа, хотя бы в целях поставить меня в известность об его получении“. (Рукопись).

В августе месяце Н. Я. получил письмо от А. М. Чочуа с ответом на запросы Марра об Абхазской Академии и об алфавите.

Начало работы Академии по абхазском языку произвело на Н. Я. Марра большое положительное впечатление. В письме-ответе к т. Чочуа он говорит, что „копии протоколов на меня произвели, собственно, все детали работы Академии, великолепное впечатление“. Но своей работой Академия, конечно, не обеспечивала в разрезе задач, стоящих перед ней, в деле всемерного развития абхазского языка и литературы, ибо ни одного научного работника с высшим законченным лигвистическим и литературоведческим образованием, кадров абхазов не было в составе этой Академии, все работники были со средним образованием. Единственно более подготовленный для научной работы был Д. И. Гулия, впоследствии председатель Академии абхазского языка и литературы. По этому поводу в письме Н. Я. Марру А. М. Чочуа выражал неудовлетворенность в отношении работы Академии абхазского языка, выражая повидимому и общественное мнение. На это Н. Я. Марр отвечает: ,,Поражен отрицательным отношением, т. е. непониманием полезности и, скажу, важности актуальной общественной работы Академии. В этой работе есть элементы и научного интереса“. (Рукопись). Основной задачей перед этой Академией Н. Я. ставил сбор языковых и фольклорных материалов; работу над созданием терминологии, а руководящую научную разработку их (особенно фольклор и словарь) Н. Я. Марр при участии Академии брал на себя. И на малейшие запросы, справки и др. из Абхазии Н. Я. быстро и срочно отвечал. Н. Я. Марра настолько интересовало дальнейшее развитие научно-практической работы в Абхазии, что он, в целях подготовки кадров, предпринимает ряд мер для определения студентов-абхазов в Ленинградский Восточный Институт и университет.

В каждом своем письме Н. Я. пишет отчет о состоянии его работ по абхазоведению, по составлению абхазской грамматики и окончания печатанием абхазо-русского словаря.

11 января 1927 г. в письме к т. Чочуа Н. Я. Марр пишет: ,,Опять у меня получился ,,гаф“ с печатанием даже предисловия, уже архиготового, набранного и без моей под-

писи напечатанного. Все будет ликвидировано в ближайшие две-три недели, вы получите словарь и, надеюсь, дадите мне утешение, удовлетворение использованием его в текущей работе Академии абхазского языка и литературы (иначе я не торопился бы его опубликованием со всеми уже замеченными дефектами),-использованием в том порядке, в каком мы то говорили. Очень огорчен, что у нас все-таки перерыв связи: до сих пор, с последнего от Вас сообщения об Академии (тому полгода назад), нет сведений об ее работе". (Неопубликованное письмо. Разрядка моя. А. Х.) Особенно опасался перерыва связи Н. Я. в виду того, что он через некоторое время собирался, по его выражению, „в годичное кругосветное, вокруг старого света, путешествие".

Интересно то, что каждое письмо Марра насыщено исследовательско-теоретическим содержанием, в каждом письме Н. Я. дает ряд интересных анализов абхазского языка, выдвигает новые теоретические вопросы.

В письме от 9 марта 1926 года Н. Я. Марр пишет: „Я вплотную засел за абхазский (язык) и масса вещей разъясняется. Во многих случаях Чарая был прав*), считая абхазский язык древнейшим, чем грузинский, и более близко сродные. Нашел я ключ анализа абхазских слов и отождествления их со словами, без этого ключа мало похожими, так, слово a-bla—„глаз" оказалось имеющим связь с груз. to-wal, т. к. абх. -bla первичная форма (из *bul как в удинском pul—„глаз" или bal, как в египетском, собственно коптском bal— „глаз"), а грузинское слово представляет скрещение этого первичного слова в виде wal и другого равнозначущего to: to-wal. Таких случаев десятки и сотни. Так, термин сван. oier-met—„бог" в грузинском должен был звучать çar-mat, что и имеется (сохранили также сваны), но оба эти слова—позднейшее скрещение из -met || mat, означавшего „бог" и çar „бог", последнее то же слово, что месопотамская богиня" (ſ-tar) и абх. i-tar „бог" (aitar) и т. д. и т. д.

Разъясняются и многие абхазские глаголы, частицы, формы и т. п." (Рукопись).

Когда после введения абхазского аналитического алфавита в 1927 году в Сухуме ряд местных работников стали жаловаться на трудность его изучения и требовали от Наркомпроса упрощения алфавита, Н. Я. пишет по этому вопросу следующее: „Когда я говорю о несостоятельности такого требования (т. е. не упрощения, а упрощенчества. А. Х.) и привожу мотивы,—никакого внимания. Вероятно, пугает яфетидология и взгляд, что это требование доморощенного ученого, не заграничного. А вот что читаем в образ-

*) См. настоящую работу—первые отзывы Н. Я. Марра на работу Чарая, стр. 6—8.

цовой серии фонетической записи африканского языка. (A Sechuana reader in international phonetic orthography. Лондон, 1916). Мы читаем (ст. VII): „Орфография, использованная в этой книге... простейшая, она построена на принципе, что слова, которые произносятся различно, не должны быть написаны одинаково". (Разрядка Н. Я. Марра). „Кто воображает, что система могла быть сделана более „практической" дальнейшими упрощениями, пусть усвоит правила № 8, стр. XXXVI". На указанном месте мы читаем: „Не воображайте, что трудный язык может быть обращен в легкий, если облечь его в неточную, но привычно (интимно) выглядывающую орфографию. Вы не можете какой-либо уверткой уничтожить трудности языка. Вы можете скрыть многие из этих трудностей „легкой" на вид орфографией, и результатом будет то, что практически Вы будете в неведении скрытых затруднений и будете скверно говорить". „Как видите,—говорит Н. Я. Марр,—ученый автор этих строк движим не яфетическим языкознанием, вообще не отвлеченными теоретическими соображениями, а практическими интересами, и все-таки точно задался мыслью повторить буквально мысли наши". (Письмо от 21 июля 1927 г. А. М. Чочуа).

Н. Я. Марру приходилось работать буквально в самых трудных условиях в этот период, ибо исследователей, верных учеников, у него было очень мало (по существу, кроме Мещаниновв И. И., никого не было), все от него отставали годами, тянули назад, настаивали, чтобы „он маленько подождал", ибо они его не могут догнать. А противники его из индоевропейской школы в этот период уже от метода замалчивания переходили к борьбе против него сначала скрыто, тихой сапой, а впоследствии уже открытыми нападками на его учение, даже на его личность. Это было как раз в тот период, когда в Абхазии вводился аналитический алфавит.

В Абхазии в этот период из индоевропеистов действовал „тихой сапой" проф. Поливанов, который всячески тормозил работу в проведении нового аналитического алфавита.

Однако, вопросы упрощения алфавита не были сняты с повестки дня. Сам Н. Я. Марр против упрощения никогда не возражал, но он уже слышал заявления, что якобы „абхазы ради практического осуществления яфетической теории... осложняют свой алфавит, делают технически недоступным широкой массе трудящихся абхазов". Подобная клевета его возмущала.

В своем письме Н. Я. дает сокрушительную критику этим безответственным утверждениям, обосновывает необходимость и неизбежность введения такого письма, которое имело бы соответствующую последовательную систему, без чего не избежать абхазам каждый раз трудности в деле изу-

чения языка и его дальнейшего развития. А что касается яфетической теории, Н. Я. Марр уже тогда совершенно правильно предсказывал, что „абхазы хотят, или не хотят, практическое применение яфетической теории к абхазскому языку и в абхазском языке неизбежно, поскольку абхазы желают (если они желают) изучать свой язык, и практические интересы яфетической теории на этом и кончаются, принятие же или непринятие яфетического алфавита значение имеет прежде всего и больше всего для самих абхазов и, не желая вовсе выступать в роли миссионера абхазской общественности, предоставляю самим абхазам обдумать и решить этот вопрос".

Свое письмо Н. Я. заканчивает вопросом, возможно или нет упростить это письмо следующим заявлением: „Что касается тех или иных частичных улучшений письма, в смысле удобства или простоты, конечно, они возможны, но как и раньше, я остаюсь при том мнении, что эти улучшения должны быть внесены практикой и опытом после того, как система войдет в жизнь". (Письмо Н. Я. Марра А. М. Чочуа от 25 мая 1927 г.).

Однако, в Абхазии „оппозиция" против аналитического алфавита все более и более наступала и к концу 1928 года практически был поставлен вопрос о замене яфетидологического письма новым письмом на основе „Иан алифа" *). Начались с разных сторон сыпаться различные „проекты" алфавитов, подняли голову и открыто выступили т. н. индоевропеисты в лице Поливанова и др. или типа временных попутчиков яфетической теории (Яковлев Н. Ф., Генко А. Н. и др.).

Руководство Народного комиссариата просвещения Абхазии в лице С. Я. Чанба сдало свои позиции и стало на путь реформы письма. Был принят проект нового письма, предложенный Поливановым, исправленный Чанбой С. и Хашба М. при участии Н. Ф. Яковлева. Новое „письмо", составленное на основе латинизированного алфавита, примененного для тюрко-татарских языков, было принято без учета системы и специфики звуков абхазо-адыгейской группы языков, в частности, абхазского. Алфавит этот, как сейчас признано, не имеет последовательной системы и даже некоторые сейчас поднимают вопрос, а не лучше ли перейти к старому русскому алфавиту?

В настоящее время, согласно постановления президиума Совета Национальностей и ЦИК СССР, абхазский, абазинский и кабардинский алфавиты признаны многобуквенными и подлежат сокращению. (См. постановление президиума ЦИК СССР от 17 августа 1935 г. и Совета Национальностей ЦИК СССР от 16 июня 1935 г.).

---

*) Латинизированный алфавит ВЦКНА, принятый для тюрко-татарских языков.

В дальнейшей работе по усовершенствованию письма необходимо руководствоваться постановлением ЦИК СССР и Совета Национальностей, и в связи с этим необходимо учесть то, на чем настаивал Н. Я. Марр — это учет специфики звуков и системы языка и письма при введении или его пересмотре.

Выше я отмечал, что еще Н. Я. Марр в 1916 г. упрекал научную общественность, а в лице ее и царское правительство в том, что до сих пор не выдвинуто научных кадров по кавказоведению, в частности, по сев.-кавказским горским народностям.

В этом отношении Н. Я. Марр с начала установления советской власти, нога в ногу с партией и правительством, начинает ставить вопрос о необходимости подготовки национальных кадров, определяет их в вуз'ы, в аспирантуру и лично оказывает всяческое содействие в подготовке их, в частности, и по подготовке абхазоведных кадров.

В своих письмах в Наркомпрос А. М. Чочуа, Н. Я. Марр просит оказать содействие в получении средств для командировки в Турцию в отношении меня. Он пишет: „Из двух молодых абхазов, занимающихся у меня в Ленинграде, один, студент Ленинградского института живых восточных языков, Виктор Кукба, получает студенческую командировку в Турцию для изучения убыхского языка, другой — Арсений Хашба, лишь с текущего учебного года поступивший в Ленинградский Госуд. университет студентом факультета языков и материальной культуры, хорошо рекомендованный профессурой Краснодарского института, где он раньше занимался, оправдывает хорошие о нем отзывы, имеет достаточно широкое общее образование и живым интересом к изучению родной речи подает надежды на то, что он станет желанным активным деятелем по абхазоведению, между прочим, он также участник составления обратного русского словаря, своего рода указателя к моему абхазо-русскому словарю, ведущий это дело, почти доведенное уже до конца, совместно с В. Кукба и совместная поездка его с Кукба к убыхам в Турцию была бы для обоих сторон очень полезна, да и сама работа лишь выиграла бы от этого, но при отсутствии возможности достать командировочные средства в университете для А. Хашба, я решаюсь беспокоить Вас просьбой оказать ему материальное содействие для совершения совместно с его товарищем рекогносцировочной по убыхскому языку поездки, в полезности которой и для них и в будущем для Вас также я совершенно уверен, поскольку это расширит их кругозор и облегчит усвоение теоретических положений более сложных частей нового учения об языке“.

В письме от 4 апреля 1927 г. А. М. Чочуа он пишет: „Может быть не забудете реагировать на другие мои обращения, в том числе на оказание материальной помощи Хашба в его

поездке к убыхам в Турцию. Кукба, повидимому, удастся командировать от Института живых восточных языков и получить 600 рублей на командировку".

Таким образом, Н. Я. Марр был заинтересован, как в своем кровном деле, в подготовке абхазоведных кадров, для того, чтобы по окончании учебы они могли бы вести работу в Абхазии по исследованию абхазского языка и литературы, для развития социалистической культуры и приобщения к ней трудящихся масс. Н. Я. Марр был человеком, который общественное дело ставил на первое место и разрешал его в ущерб личной жизни, не щадя ни здоровья, ни энергии.

В этот период Н. Я. Марр усиленно работал над абхазским языком, над разработкой абхазской грамматики, к сожалению оставшейся неопубликованной при его жизни.

В одном из своих писем Н. Я. предлагает т. Чочуа организовать издание с Абхазским комиссариатом народного просвещения при его (Н. Я.) личном участии целой серии трудов под общим заглавием „Абхазоведные изыскания и материалы".

В связи с этим в этом же письме Н. Я. Марр пишет: „Вчера у меня появились новые подтверждения правильности основной мысли моего последнего доклада по абхазо-русским этническим связям. Вчера-же уже вечером раз'яснилась этимология абх. а-рſ—„красный" (qарſ—особо) и а-рşза—„прекрасный". Как жалко, что все это будет преть и гнить в рукописи. Будь особая серия, мы туда (не я один) помещали бы все новые раз'яснения, да и материалы по языку, равно истории Абхазии". (Разрядка моя. А. Х. Письмо от 30-го июля 1924 года).

Но, к сожалению, благодаря близорукости тогдашнего руководства Наркомпроса Абхазии, это прекрасное для Абхазии предложение не было осуществлено, и даже не было поставлено в надлежащих инстанциях, напр. в Совнаркоме, для его разрешения.

В последующих письмах, к сожалению, мы не находим никаких ответов по этому поводу от Народного комиссариата просвещения Абхазии, который вообще (за исключением б. зам. наркома (лично) А. М. Чочуа) очень слабо реагировал на предложения Н. Я. Марра.

* * *

IV. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

В последнем своем, как бы отчетном, докладе перед абхазской общественностью в Академии абхазского языка и литературы в 1928 году в конце апреля в Сухуме Н. Я. Марр подводит итоги исследовательской работы и новых теоретических достижений нового учения о языке, т. н. яфети-

ческой теории, в частности, по абхазскому языку. Доклад этот был издан под названием „Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык“ (ЛИЖВЯ, 1928 г.).

Он был посвящен в первую очередь новому алфавиту, принципам изучения абхазского языка в связи с вопросом о месте абхазского языка среди других языков мира и его связях. В своем отчетном докладе о поездке в Абхазию в 1928 году Н. Я. Марр в Академии Наук СССР указывает, что „...в Абхазии имелось в виду не начать, а восстановить и усилить абхазские занятия, точнее, осмотреться в создавшихся в этой миниатюрной, жемчужевидной стране, далеко не столь жемчужно-блестящих условиях для дальнейшего усиления работы по абхазскому в путях нового учения о языке“. *)

Указанным выше докладом Н. Я. дает новые теоретические положения, на марксистских уже основах, нового учения о языке и говорит, что „как нельзя ни одному народу вести особого хозяйства в путях развития без связи с другим народом, так не было и не могло быть у отдельного какого-либо народа независимого языкотворчества. Языкотворчество или глотогония есть процесс мировой, и на этом пути значение исключительного фактора получило так называемое скрещение, когда в процессе схождения различных социальных группировок и далее образования ими более сложных хозяйственных точек; впоследствии в племенных образованиях, и еще дальше, наций, простые элементы, слова отдельных социальных группировок, двух даже трех—слова с одинаковыми значениями соединялись воедино, образуя так называемые скрещенные слова“. **)

Здесь, снова опровергая миграционную теорию, т. н. массовые передвижения племен с места на место, он указывает, что процесс развития и изменения языка происходил в источнике коренных перемен социально-экономических основ общества, на основе которого происходит изменение языка: „... Источник—это не внешне массовые переселения, а глубоко идущие революционные сдвиги в процессе диалектического отбора, революционные сдвиги, которые вытекали из качественно новых источников материальной жизни, качественно новой техники и качественно нового социального строя. В результате получилось новое мышление, а с ним новая идеология в построении речи, и, естественно, новая техника. Отсюда различные системы языков“. ***).

В связи с этим, отвергая фашистскую расовую теорию, он указывает в соответствии с классиками марксизма-лени-

---

*) Отчет Н. Я. Марра (14 апреля — 3 мая 1928 г.) о командировке в Абхазию. И. А. Н. № 8—10, стр. 544.

**) Указанный доклад, стр. 12. Изд. ЛИЖВЯ. 1928 г

***) Стр. 14.

низма источники развития языков и народов и единство исторического процесса. „...Нельзя без баскского языка и с ним увязанных яфетических языков Кавказа изучать происхождение и сложение французского языка, нельзя без берберского и с ним роднящихся яфетических языков Кавказа пройти в глубину начал латинской речи, нельзя без абхазо-черкесских материалов, в увязке с баскским и берберским, разъяснить греческий язык, нельзя без яфетических языков Кавказа подойти к правильной постановке изучения вообще генетических вопросов о речи, нельзя понять ни русского, вообще славянских, ни германских языков, ни более того, турецких, ни китайского, поскольку мы интересуемся образованием их систем и происхождением отдельных языков". *)

Для подтверждений своих положений Н. Я. Марр приводит ряд разительных материалов абхазо-русских связей, русско-турецких связей и т. д. Этими фактами он указывает на то, что „Абхазский язык и в настоящем своем состоянии представляет строй речи, систему более архаичную, чем язык шумерских клинописных надписей, имеющих сейчас изначальную дату почти шести тысяч лет" **).

Таким образом, как и все языки между собою имеют неразрывную связь, так и абхазский язык представляется увязанным на различных стадиях своего развития с общим процессом мирового языкотворчества, поэтому правильная постановка изучения абхазского языка и способов его развития (письмо и др.) должна показать нам, „...как и абхазский язык на различных ступенях общественного развития служил орудием развития абхазской общественности и культуры, органически увязанной с советской общественностью и единой будущей мировой культуры" ***), культуры социалистической по своему содержанию и форме.

Начиная с 1924 года Н. Я. Марр совершенно сознательно развивал свое учение о языке исходя из марксистской методологии. В последние годы Н. Я. Марр не только пользовался напечатанными трудами классиков марксизма-ленинизма, он пользовался также и рукописными материалами, еще не опубликованными при его жизни. Таков, напр., „Франкский диалект" Энгельса, которым он пользовался еще в рукописи в Институте Маркса - Энгельса — Ленина.

Этим, главным образом, объясняются громадные успехи, сделанные новым учением о языке именно в последние годы жизни Н. Я. Марра.

Каково в связи с новыми установками принципиальное значение нового учения о языке акад. Н. Я. Марра в изучении родного языка? На этот вопрос Н. Я. Марр отвечает, что „... для производства такой (социалистической, А. Х.)

---

*) Стр. 15.
**) Стр. 19.
***) Там же, стр. 51.

культурной революции необходимо не только быть знатоком языка, как он есть, но знать и то, как язык сделался тем, чем он есть, как он возник и развивался, и, следовательно, как он может стать тем, чем он общественно должен быть". *)

Выяснив основные методологические вопросы происхождения и развития, а в связи с ними и условия развития языков, Н. Я. Марр уже последовательно разрешает, особенно в последние годы своей жизни, и все остальные вопросы языкового процесса в духе высказываний классиков марксизма-ленинизма, в духе указаний великого Сталина.

Он ставит процесс дальнейшего развития языка в духе его интернационального развития и как задачу современного языкознания „изучение техники языкового творчества для облегчения и ускорения совершающегося процесса языковой унификации, несмотря на зигзаги твердо идущего в шаг с процессом унификации мирового хозяйства". **)

Другими словами Н. Я. Марр здесь выдвигает проблему планового вмешательства в дальнейшее развитие единого языка будущего коммунистического общества. Опровергая вслед за этим „мысль о долговечности какого-либо одного языка, каков бы он ни был по совершеству", как ирреальную, „мы считаем, – говорит он, — таковым же и учение современной европейской науки о происхождении индоевропейских языков от одного индоевропейского праязыка".

Н. Я. Марр считает основной задачей, чтобы „каждый язык, в том числе русский ...был изучаем в своем палеонтологическом разрезе, т. е. в перспективе отлагавшихся в нем последовательно друг за другом слоев .." ***).

Рассматривая развитие языков в такой перспективе, Н. Я. Марр раскрыл подлинную сущность языкового процесса и установил, что языки, после своего возникновения, прошли в основном четыре стадии развития:

1) На основе первоначальных звуковых диффузных комплексов языковых элементов происходил последовательный диалектический процесс расщепления одного языкового диффузного комплекса на два и более противоположных понятий, в соответствии с развивающимся кругозором человеческого коллектива и по мере того, как „в предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства". ****) При чем это диалектическое расщепление положило начало относительно самостоятельному названию уже более главных известных и осознанных предметов первой необходимости.

---

*) „Родная речь — могучий рычаг культурного под'ема". Стр. 48.

**) Изб. раб. Н. Я Марра, том I, стр. 219. См. также заключительное слово т. Сталина на XVI партс'езде.

***) Там-же, стр. 218.

****) Энгельс.—„Роль труда в процессе очеловечения обез'яны".

2) Дальнейший процесс шел по двум направлениям: продолжение процесса дифференциации и расщепления на свои противоположности и на семантическое переосмысление нового орудия на базе названия старого предмета по выполняемой функции.

3) Первоначально различные племенные или родовые группы по мере развития народонаселения и техники „сплачивались в длительные союзы и, таким образом, делали первый шаг к образованию наций“ (Энгельс). Эта концентрация, несомненно, не могла не влиять и на языковую концентрацию. На этом основании происходил на разных ступенях различно процесс скрещения и смешения языков *). „И о каком бы языке ни возник вопрос, дело будет касаться не монолитной речи какого-либо народа, а скрещенного языка, в какой отливались и отложены достижения речевой культуры не одного руководящего слоя, не одной производственно-социальной группировки с ее некогда тотемом“. **)

4) И, наконец, как называет акад. Марр, технологический процесс развития языка, т. е. процесс описательного наречения вновь осознанных предметов природы и явлений на основе „готового языкового материала“ (Маркс—Энгельс). Это последнее особенно рельефно выступает в абхазском языке.

Здесь каждое слово представляет результат соединения в одно целое нескольких некогда самостоятельных элементов слов.

Таким образом, в полном соответствии с основными положениями марксизма-ленинизма установлен процесс развития языков, выраженный Марксом и Энгельсом в своей „Немецкой идеологии“ в следующем виде: „В любом современном развитом языке первоначально самобытная речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией“. ***)

Процесс движения языка в этом направлении представляется Н. Я. Марром в следующем виде: „Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов (или частей речи), а с предложения“.

„На самом деле, о последовательности возникновения частей речи (в их обычном понимании грамматических категорий) можно говорить конкретно только тогда, когда

---

*) См. М. и Э. „Немецкая идеология“, стр. 414.
**) Марр.—„Родная речь...“, стр. 47.
***) „Немецкая идеология“, стр. 414.

у них появляется оформление, закрепляющее их функцию как той или иной части речи. Но для этого требовалось не только выделение фонемы в строе фонетического языка, но и специальное функциональное закрепление звуков или комплексов в их роли служебных частиц, определяющих содержание слова или взаимоотношение его с другим во фразе. Но именно это достигается уже развитыми языками в их широких способностях морфологического оформления".*)

Факты отдельных языков, особенно яфетической системы, как напр., абхазского, грузинского и др., особенно ярко иллюстрируют эти основные положения Марра. До развития грамматической морфологии не могло быть грамматических категорий, но категории (идеологически) речи все же были.**) Эти категории, не имея формальных морфологических элементов для оформления тех или иных признаков категорий, т. е. оставаясь аморфными, эти особенности категории речи выявлялись в построении фразы, путем синтаксиса предложений.***)

Таким образом, существовавшие определенные понятия, идеологически осознанные, но формально еще не выработанные, как грамматическая категория, оформлялись впоследствии как отдельные категории речи с соответствующим языковым оформлением.

Господствующая на Западе буржуазная наука о языке, индоевропеистика, строила свои догадки исходя из первоначальной глагольной формы языка. Однако, факты ряда языков показали, что первоначально, когда уже звуковой язык был реальной действительностью, имя и глагол ничем не отличались, а только впоследствии, в процессе дальнейшего развития языка привели к выработке особых формальных отличителей, в виде морфологических элементов. При чем до выработки формальных частиц звуковому языку сопутствовала еще кинетическая речь как прямое его пополнение и даже как оформление отдельных категорий речи. Так, процесс действия, повидимому, сопровождался определенным размахом, орудием кинетической речи, руки, в сопутствии определенному звуковому комплексу. Это положение можно продемонстрировать на ряде языковых фактов абхазо-адыгейской группы.

Напр., вскрыто, что „рука", „власть", „имение", „сила", впоследствии „царь", „бог" обозначались одним комплексом, означающим—„рука". Абх. ar-ma состоит из двух основ ar + ma: с одной стороны ar- означает „рука", в сочетании с другим элементом—ma „правая (рука)", т. е. ar- отдельно означало „рука", но впоследствии, когда стала

---

*) И. И. Мещанинов.—„Новое учение о языке". Известия А. Н. СССР, стр. 455.

**) См. там же, стр. 455.

***) См. И. И. Мещанинов. „Новое учение о языке". СОЦЭГИЗ, 1936 г.

необходимость в дифференциации „правой руки“ от „левой“, новые элементы в сочетании с ними стали обозначать „руку левую“ и „руку правую“. Или возьмем абх. слово a-ḳra—„держать“, ḳ ‖ ḳar*—в черкесском в усеченном виде qa означает „рука“. Другая часть слова ma-означает также „рука“; a-ma-ra—„иметь“; a-ma-za-ra—„имение“; то же -ma входит как элемент в слово aməɥ—„сила“, „власть“; a-m-ra;—„солнце“; amir + an ‖ abərsḳıəl — „богочеловек“, в мифах — „кавказский Прометей“. В другом названии руки в абх. (ana-pə) an ‖ na входит как элемент в образование названия „мать“, „земля“, „бог“; мать—an, как производителя жизни, „земля“—a-nəî, так же, как источника жизни (вспомним русское выражение—„мать сыра земля“); бог—уже как позднейшее оформление „руки“ — „сила“, „власть“, „имение“, „бог“ в оформлении an-ʒa— букв. „боги“.

Таким образом, отдельные „имена-глаголы“, т. е. вначале оформленные как имена, в сочетании с другими новыми элементами образуют новые понятия, делая сдвиги согласно изменения функций, выполняемых отдельными терминами.

В отношении же определения понятия отдельных слов во фразе, что содержит значение глагола или действия и что—имя, то таковое определялось путем постановки тех или иных слов в предложении, при чем каждая из тех или иных категорий слов занимала последовательно одно и тоже место. Это же положение присуще и ручному языку по наблюдениям Маллера у американских индейцев. *)

В частности абхазский язык по своему основному признаку относится к аморфному или аморфно-синтетическому строю речи. Но, вместе с тем, в нем мы имеем также и другие признаки, характеризующие его агглютинативный строй, даже некоторые признаки флективности.

Аморфно-синтетичность абхазского языка заключается в том, что: а) субъект (подлежащее) и объект (дополнение) определяются только местом во фразе, но не флексией, не окончанием, как это мы имеем в русском и в других языках. Так напр., фраза ab apa bzia dəiboiţ, букв. „отец сын(а) его он любит“, означает „отец любит сына“, но та же фраза, но только с перестановкой слов отец и сын—apa ab bzia dəıboiţ,— уже означает противоположный смысл: „сын любит отца“. Таким образом, если изменить порядок слов в предложении, то смысл предложения меняется; б) глагол того-же предложения в абхазской речи в свою очередь должен иметь указание на субъект и объект, отмечаемые в нем местоименными элементами, равным образом определяемыми в своей роли действующего и страдающего лица местом в глаголе, напр., выражение sara iara dsəxıɥoiţ в переводе буквально будет „я его, его я стерегу“. Перестановка

*) См. И. И. Мещанинов, цит. соч., стр. 456.

префиксов субъекта или объекта в предложении обратит объект (III лицо) в субъекта, а субъект в объекта, напр. iara sara sixцoiţ—„я его, его я стерегу“ и sara iara dsəxıцoiţ—„его я, я его стерегу“.

Таким образом, мы имеем здесь ярко выраженный синтетизм, но вместе с тем местоименные частицы—префиксы—прилепляются к глагольной основе и тем самым дают агглютинацию, а не внешнюю флексию, не только потому, что вспомогательные частицы прилепляются к глагольной основе, при чем прилепляются одна на другую, но и потому, что они сохраняют жизненную форму местоименных частиц, хотя бы в их усеченном виде. *)

При чем в этом структурном оформлении, при подходе с точки зрения диалектического материализма, мы можем раскрыть различные противоречивые отложения прежних эпох, ныне уже пережитых, но когда-то идеологически представленных во взглядах носителей языка соответствующего периода. Нормы нынешнего нашего мышления не укладываются в рамки того далекого прошлого, которое в стадии оформления звуковой речи застигло нормы магического восприятия человеком природы и природных явлений“ **)

Напр., в абхазском определенное структурное оформление языка выявляет восприятие определенных явлений в „пассивной“ форме, ныне представляемых абхазом в соответствующей активной форме. Или же время и пространство выражено в абхазском языке одним элементом п || па,—тем самым мы в языке раскрываем подтверждение диалектической логики об единстве времени и пространства, где проявляется не только абстрактное, но и все многообразие конкретного.

Наконец, Н. Я. Марром установлено, что в определенную эпоху лингвистические звуковые элементы в их диффузном состоянии, напр., понятия „рука“ „женщина“, „вода“ обозначались одним комплексом слова, или—„голова“, „верх“, „гора“ и т. д. также обозначались термином, обозначающим „голова“. Эти факты особенно ярко представлены в абхазском, а также и в грузинском языке, напр., в абх. ахə—„голова“, а-ха-la-ra—„подниматься“, а-ʃ-ха—„гора“ и т. д. (См. выше).

Таким образом, эти факты еще лишний раз заставляют нас признать необходимость совместного учета языка и мышления – семантику языкового развития. „Неразрывная связь языка и мышления, сознания с его реальным выявлением в языке (язык есть реальное сознание) оказывается настолько органически обоснованной, что норма мышления,

---

*) См. подробно мои ст. ст. во II-м выпуске „Трудов АбНИИК'а, стр. 3-46. См. также И. И. Мещанинов „К вопросу о языковых стадиях“. Изв. Академии Наук СССР, 1931 г., стр. 857—882.

**) См. И. И. Мещанинов „Новое учение о языке“, стр. 458.

помимо даже желания самого исследователя, внедряется в его работу“ (И. И. Мещанинов).

Отмеченные нами выше особенности языка дают нам возможность еще дальше раскрыть процесс их движения. Комплексное представление в процессе развития человеческого коллектива, осознания, расщеплялось на отдельные конкретные представления как идеологически, так и в языковом оформлении. Если „земля“, „небо“, по представлению человека древнего периода, и „преисподняя“ (что часто встречается в сказках) как особый мир не были представлены в сознании человека отдельно, а представлялись как единое целое, то впоследствии они дифференцировались, что ясно представлено, например, в груз. языке: ze-ca—букв. „верхнее небо“, mi-ça—„земля“ и kue-ca—„нижнее небо“, т. е. все они вместе вначале именовались термином ca || ça (в абх. ça—„низ“, „дно“), а когда они идеологически стали уже осознаваться в отдельности, обозначали ь по новому, но оставив основной элемент—ca с прибавлением к нему „верхнее“, „нижнее“ и „среднее“.

„Установлено, что слова обозначали тот или иной предмет не по его виду или материальному составу, а по функции, т. е. назначению и отправлению, „олень“, „собака“, „лошадь“ и т. п. по наследству точно передают друг другу названия, на самом деле тип хозяйства сменяется другим. Названием „оленя“, естественно, начинают именовать „собаку“, как имеющую ту же функцию, что „олень“, „собаку“ сменяет „лошадь“ и „лошадь“—„верблюд“, или смотря по стране обратно“. (Марр).

Напр., ala в абхазском означает „собаку,“ ala + şa—„мерина“, „лошадь“, при чем отдельно ҿə или şa || şə также означает „лошадь“. Это между прочим происходит и на наших глазах. Напр., у абазин слово auandər вначале означало „телегу“ (арбу) для быков или лошадей; потом, когда начали употреблять „тачанки“ с запряженными лошадьми, перенесли это же название—a-uandər и на тачанки и начали их называть aҿə-uandər. В последнее время, когда начали сталкиваться с поездом, назвали его „огненной арбой“—amca uandər. Тоже самое наблюдаем мы и в черкесском языке. Произошло все это потому, что все эти три предмета служат средством передвижения, выполняя одну и ту же функцию, правда один предмет эту функцию выполняет плохо (арба), другой лучше (тачанка) и третий еще лучше (поезд).

В процессе такого передвижения и развития язык уже стал обладать большим запасом слов, но, тем не менее, и техника начинает все быстрее и лучше развиваться, а значит и языку необходимо ее догнать и чем то отметить. И здесь уже начинает использоваться новый прием наряду с другими существующими формами развития языка—это

т. н. технологический или описательный процесс обозначения или образования новых слов. Так существуют названия отдельных частей тела или предметов, напр., „рука“ апарэ + „голова“ („начало“)—ахэ + ас—„клюв“, все эти три названия объединились и образовалось новое понятие названия „ногтя“ апархэс; тоже—„ногти ноги“ аʃархэс, или „нос“—арэпça от слова ар—„перед-лицо“, пэ—„глаза“ (в наст. время в черк), ça—„низ“, „под“; сочетание—„перед + лицо + под глазами“ = нос; или ахиэс—„волосинка“, „шерсть“ (или волосы — а-ха-хиэ), букв.—„шерсть головы“ „волосы“. Далее первоначально не было различия в названии дочери от сына, они назывались одним словом „дитя“—ара. После того, когда стала необходимость называть их отдельно, то ара использовали для понятия „сына“ и тот же элемент в сочетании с ha—для понятия женщины, выражение apha—„дочка“, буквально будет „женщина—дитя“. И, наконец, когда уже настала наряду с отдельными названиями необходимость обозначения отдельных категорий речи, тогда уже именно отдельные названия начали использовываться в качестве отдельных морфологических, формообразующих элементов. Например, в сочетании с назв. „нога“ (и „рука“) la || lapa || парэ с назв. „головы“ („верх“) -ха для обозначения „верх“ с элементом -la и неопределенной формой глагола — ra образовалось слово а-ха-la-ra—„подниматься“; от слова—„след“ (ноги) —а-ʃta, „нога“, „низ“ (впоследствии „идти“)—la с глагольной формой—ra образовалось a-ʃtalara—„лежать“ и „преследовать“; от слова „вода“—а-зэ + „нога“ + „идти сюда“ образовалось азаalara—„входить в воду“; от слова—aku—„вершина“, „верх“, „крыша“ + ҭа—„сидеть“ образовалось akuҭara—„сидеть на чем-либо“; от элемента l || la („нога“, „рука“)—„ходить“, са—„уходить“ образовалось alca-ra—„исключать“ и т. д. и т. п.

„Яфетические языки дают вообще богатейший материал по истории развития мышления и, углубляя тем средства и способы изучения самой палеонтологии речи, делают очевидной необходимость коренной перестройки доселе существующей сравнительной „грамматики“, построенной по методам индоевропеистов“. (Н. Я. Марр, т. I, стр. 309).

Таким образом, путем правильного установления процесса диалектического развития языка стала ясна структура, строй того или иного языка. В тех языках, которые прошли более сложный путь развития, эти моменты стали завуалированными, трудно выявляемыми. Напр., в русском языке, как и в других языках, очевидно, что предлоги также произошли от каких-то самостоятельных слов, но в процессе их развития и потери своих первоначальных форм трудно стало их выявлять и формальным методом индоевропеистики не понять первоначального значения предлогов, напр. „в“, „у“, „к“, „под“, „над“ и т. д. Трудно также в русском языке выявить первоначальное значение в целом происхождения склонения, или родов, или же отдельных форм при-

лагательных, глаголов и т. д. Исследователь без диалектического анализа не может понять то, что считается в русской грамматике „исключениями“, тогда как это не что иное, как новая конструкция благодаря образования новых форм в языке, еще не осознанных формалистом, или же это форма есть пережиток пройденного этапа развития языка.

Таким образом, с учетом динамики развития языка, его революционных диалектических сдвигов, с учетом действительного историзма процесса языка мы можем ликвидировать формально-идеалистический подход и вытекающую отсюда зубрежку без осознания формы в единстве с содержанием отдельных грамматических категорий.

В этом нужно искать залог ликвидации недостаточной грамотности на родном языке выпускаемых кадров будущих борцов за социалистическое строительство.

Люди, отрицающие метод т. н. палеонтологии речи, как гробокопательство, как якобы не дающее нам ничего практического, тянут нас назад к беспросветному формализму и идеализму.

Этой формалистике индоевропейской школы положил конец акад. Н. Я. Марр. Он разгромил ее и вместо нее воздвиг стройное учение о языке, дающее ключ к подлинному изучению и раскрытию всех тайн языка. С этих пор языковедная наука из схоластики, формализма и скучного филологизма превратилась в интересный предмет, дающий нам возможность посмотреть, как и каким образом мыслил наш предок и как в процессе борьбы за свое существование перерабатывал себя—и как биологический вид и как продукт социальной среды.

Вместе с тем нам нужно помнить, что решительный поворот к методу исторического материализма и его правильное применение по основным вопросам учения о происхождении и развитии языка еще не означают, что везде одинаково полно и глубоко проработаны Марром эти вопросы. У Н. Я. имелся ряд вопросов недоработанных, неясных, хотя над этими вопросами он работал и изучал материалы всесторонне. Были в некоторых случаях срывы и ошибки и у него в работе, но он их осознавал, осознавая исправлял, отбрасывая свои ошибки и заблуждения, исправляя шел энергично вперед к марксистко-ленинским высотам.

Новое учение о языке, созданное Н. Я. Марром—детище Великой Октябрьской революции. Наша задача заключается в том, чтобы также решительно, также беспощадно отбрасывая в области науки о языке индоевропеистические тенденции, проводимые еще рядом научных работников языковедов в практической работе над национальными языками, решительно двинуть новое учение о

языке вперед к массе, к национальным языкам и на основе марксистко-ленинской методологии разрешить те проблемы, которые еще не получили полного освещения в новом учении о языке.

Памятью великого ученого-революционера, в области науки о языке создавшего новую эпоху эпоху новой советской лингвистики, неутомимого борца за науку, за просвещение трудящихся масс всех национальностей Советского Союза, будет служить дальнейшее развитие его нового учения о языке на основе метода Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

БИБЛИОТЕКА
АДЫГЕЙСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
ШИФР 787

Приложение I.

Работы Н. Я. МАРРА о языке и истории абхазов.

1. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических.—МЯЯ, т. V.

2. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства.— ИАН, 1912, стр. 423—432.

3. История термина „абхаз".—ИАН, 1912, стр. 697—706.

4. Из лингвистической поездки в Абхазию (к этнологическим вопросам).—ИАН, 1913, стр. 303—334 (с 2 табл.).

5. Абхазское происхождение грузинского термина родства bisa „дядя".—ИАН, 1914, стр. 143—146.

6. Из абхазских личных имен.—ХВ, т. II, стр. 400—402.

7. О происхождении имени Анапа. Зап. разр. военн. арх. и археограф. Русск. Военно-Историч. Общ—ва, 1914, стр. 1—4 (отд. отт.). Работа вошла в том V избр. работ, стр. 272—273.

8. О религиозных верованиях абхазов (К вопросу об яфетическом культе и мифологии). ХВ, т. IV, стр. 113—140.

9. Кавказоведение и абхазский язык.—ЖМИН. Май, стр. 1—27. Работа вошла в том I избр. работ, стр. 59—78.

10. О записывании абхазских текстов.—Пособия для работ по яфетическому языкознанию. I. II. 1918.

11. Якутские параллели к бытовым религиозным явлениям у кавказских яфетидов.—ХВ, т. IV, стр. 352—353.

12. Термины из абхазо-русских этнических связей. Термины „лошадь" и „тризна". (К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения).—Изд. Наркомпроса Абхазии. Л., 1924, стр. 57. Работа вошла в том V избр. работ, стр. 117—152.

13. Новый абхазский алфавит.—Газета „Голос Трудовой Абхазии". Сухум, 18, 19 и 20—IX 1924, №№ 208/944, 209/945 и 210/946.

14. Отчет о командировке в Абхазию.—ИАН, 1925, стр. 992—993.

15. Сухум и Туапсе (кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья).—ИРАИМК, т. IV, стр. 229—310. Работа вошла в том V избр. работ, стр. 153—161.

16. Абхазоведение и абхазы (к вопросу о происхождении абхазов и этногонии Восточной Европы).—ВС, т. I, стр. 123—166. Работа вошла в том V избр. работ, стр. 162—186.

17. Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма).—Изд. ЛИЖВЯ. Труды яфетического семинария. I. Л., 1926, стр. 5—52.

18. Русское „человек", абх. аоуэ.—ДАН, 1926, стр. 81—84 Работа вошла в V том избр. раб., стр. 187 - 190.

19. Абхазо-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе.—Изд. Акад. абх. языка и литературы. Л., 1926, стр. LV—159.

20. Из двухэлементных абхазских слов (к встречам с чувашским).—ДАН, 1927, стр. 148—150.

21. Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском.—ДАН, 1928, стр. 219—226.

22. Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык. Изд. ЛВИ—Л., 1928, стр. 63.

23. Отчет по весенней (14 апреля—3 мая 1928) командировке в Абхазию.—ИАН, 1928, стр. 544—549.

24. Абхазский язык.—ЛЭ, т. I, стр. 18—23.

Технический редактор И. П. Тищенко.

Сдано в печать 21/X, подписано к печати 30/XII-36 года. Об'ем 4,5 печ. листа, вместимость листа 52,516, Формат бум. 72×94.

Сухуми, типо-литография Абгиза. Зак. № 4391. Тир. 2000. Абгл. № 2266.

ИЗДАНИЯ

ИНСТИТУТА АБХАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ им. акад. Н. Я. МАРРА

ГРУЗФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Гор. Сухуми, ул. Ленина, 22.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Труды Института. Выпуск I, стр. 194. Ц. 3 р.

Труды Института. Выпуск II, стр. 177. Цена 3 руб.

Абхазские сказки (на русском языке), стр. 220. Цена 5 руб.

Абхазские сказки (на абхазском языке), стр. 142. Цена 4 руб.

А. А. Колаковский. — „Альпийские пастбища Очемчирского и Гальского районов АССР Абхазии“, стр. 101. Цена 2 руб.

А. Фадеев. — „Краткий очерк истории Абхазии“, изд. Абгиза, часть I, стр. 189. Цена 2 руб.

А. Фадеев. — „Меч и золото на берегах Абхазии (очерк по истории береговой торговли XVI—XVIII в. в.“), изд. Абгиза. Цена 75 к.

А. Фадеев. — „Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии“.

А. Фадеев. — „К вопросу о феодализме в Абхазии“.

А. Олонецкий. — „Очерк по развитию капиталистических отношений в Абхазии в конце XIX и начала XX столетия“. Цена 1 руб.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Ф. Дюбуа. — „Путешествие вокруг Кавказа (у черкесов и абхазов)“. Перевод с французского.

Барон Торнау. — „Воспоминания кавказского офицера“. 1835 г. Переиздание.

Абхазские сказки. Переработанное и дополненное издание. Том I.

Л. Н. Соловьев. — „Приморские террасы окрестностей г. Сухуми и геологическая датировка абхазского палеолита“.

Заказы принимаются в Институте Абх. Культуры.
Торгующим организациям скидка 30%.

ИНСТИТУТ.

20p

Цена 2 руб. 50 коп.